

Ж У Р Н А Л Ъ
ОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

издаваемый

Николаемъ Брусиловымъ.

ЧАСТЬ II.

Въ Санктпетербургѣ, 1805.
печашано въ Императорской Типографіи.

**Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Цензурнаго Комитета.**

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

Ма і й. 1805.

№ 5.

I.

Исторія Часовъ.

(Письмо отъ неизвѣснаго.)

Г. Журналистъ!

Великіе мужи писали Исторію Міра, попомство включило ихъ имена въ храмъ безсмертія — я шакже захопѣлъ бытъ испорикомъ; но какъ Римъ, Греція, Фемиспоклы и Камиллы, извѣсны даже и малымъ дѣшамъ, шо я вздумалъ написать испорію часовъ. Вы не найдете въ ней краснорѣчія Тацита, Саллустія и Типа Ливія; чшо жъ дѣлать! испорія міра, важнѣе испоріи часовъ.

Какимъ же образомъ узналъ я испорію часовъ? спросите вы, откуда

•

почерпнулъ я всѣ приключенія съ ними бывшія? — Я рѣшу эту загадку.

Однажды сидя за столомъ съ перомъ, я хотѣлъ писать и — какъ не рѣдко случается съ сочинителями, не смотря на всѣ мои усилія, не могъ написать ничего. Я сердился, кусалъ перо, билъ себя по лбу; но изъ него ничего не шло, кромѣ пошу..... Я взглянулъ на часы — Боже мой! сказалъ я, уже два часа сижу за бумагою и не могу ничего написать! Въ разсѣянности началъ я разсмащивать свои часы. Они уже двадцать лѣтъ сдѣланы — двадцать лѣтъ, какъ ходятъ изъ рукъ въ руки. Ахъ! ежли бы я могъ знать исторію ихъ жизни — ежли бы на примѣрѣ они могли говорить и пересказать все, что случилось съ ними въ эти двадцать лѣтъ, въ какихъ рукахъ и у какихъ людей они были — эта исторія довольно бы была любопытна. Бѣдные часы! сколько разъ себя продавали, перепродавали, чинили, закладывали, выкупали, ломали... — *Только однажды въ жизни, сказали часы.*

Вообразите мое удивленіе! я такъ испугался сего нечаяннаго опвѣща, что лишился было чувствѣ. — Я удовлетворю своему любопытству, продолжали часы, я расскажу тебѣ исторію моей жизни, всѣ мои приключенія. И въ самомъ дѣлѣ часы рассказали мнѣ свою исторію; она показалась мнѣ довольно любопытною, я посылаю ее къ вамъ и прошу помѣшпть ее въ вашемъ Журналѣ.

Прямо изъ Бразильскихъ рудниковъ привезли кусокъ золопа въ сей городъ. Часовой мастеръ жогъ его, билъ, мучилъ и наконецъ сдѣлалъ изъ него часы. Первой бой, которой опдался въ часахъ, обрадовалъ часоваго мастера и былъ знакомъ новой жизни сего металла. Мы люди не чувствуемъ удовольствія перерождаться — мы родимся и умираемъ тѣми же; а металлы развсто перемѣняющъ въ жизни образъ свой и видъ.

Часовой мастеръ повѣсилъ часы на гвоздикъ вмѣстѣ съ другими изгопвленными къ продажѣ. Часы нашли

себѣ пугѣ хорошихъ пріятелей и земляковъ и только было разговорились съ ними о любезной своей родинѣ, какъ вдругъ услышали страшный крикъ: Гдѣ? куда? гдѣ онѣ? домали? дверь опшворяется, вбѣгаетъ молодой человекъ — мнѣ надобны часы, лучшей работы, самые вѣрные, что хочешь возьми — и не давши времени опомниться, схватилъ эти часы. Ба! вошѣ такіе шочно! *juste ciel!* какъ будто зналъ! лучше не надобно! *Oh! elle sera chargée!* эти часы я беру себѣ — прекрасно! безподобно! шочно по ея словамъ! — Ну, сколько они споятъ? — Пяшдесятъ червонныхъ, опвѣчалъ мастеръ, кошорой былъ не дуракъ и слыша всѣ похвалы, запросилъ впрое. — Пяшдесятъ червонныхъ! *diantre, cela n'est pas chère!* на возьми. . . . Тотчасъ бросилъ пяшдесятъ червонныхъ на шоль, схватилъ часы, прыгнулъ въ карешу и поскакалъ. Все это сдѣлалось такъ скоро, что часы не успѣли даже проспиться съ земляками. . . .

Кареша остановилась у одного большаго дома — молодой человекъ вбѣжалъ

на лѣспницу насвистывая французскія аріи, вошелъ въ комнату, въ другую, наконецъ въ диванную, бросился обнимать молодую, прекрасную женщину и подарилъ ей часы. Видя взаимныя ихъ ласки, часы почли ихъ супругами и сердечно радовались, что доспались шакимъ людямъ, копорые по обычаю предковъ любяшъ другъ друга. Красавица взяла ихъ и положила на свой шуалешъ. Часы пробыли у нее двѣ недѣли, и увидѣли, что весьма обманулись въ своихъ заключеніяхъ. Красавица вела спранныю жизнь — всывала въ двенадцать часовъ, въ три принимала посещенія опъ своего любовника, въ шесть садилась обѣдать, въ восемь ѣздила въ спектакль, а въ двенадцать часовъ приходилъ къ ней какой-то миловидной мущина, съ копорымъ кажешся она любила раздѣлять время, попому что онъ часто просиживалъ у нее до двенадцати часовъ другаго дня... она давала иногда ему деньги, копорые получала опъ своего любовника и однажды подарила ему часы.

И такъ часы уже у прешьяго хозяина. Онъ положилъ ихъ въ карманъ и пошелъ къ одному своему пріятелю. Тупъ было множество людей — всѣ кричали, пили, шумѣли, били рюмки, спаканы — на столахъ лежали кучи золота. Молодой человекъ присѣлъ къ столу, проигралъ сто червонныхъ и съ ними часы, ударилъ себя въ лобъ, выпилъ спаканъ пуншу и пошелъ вонъ...

Долго часы лежали на столѣ — видѣли какъ господинъ дому передергивалъ каршы, замешывалъ, подшасовывалъ и наконецъ кончилъ пѣмъ, что обыгралъ всѣхъ своихъ пріятелей до нишки, которые однакожъ ни мало за это не сердились, распались друзьями и общались придти завтра. Лишь только всѣ гости ушли, какъ господинъ оспавшись на единъ съ человекомъ, копорой въ числѣ прочихъ проигралъ ему не малую сумму, началъ дѣлать съ нимъ выигрышь пополамъ и условился завтра обмануть такимъ же образомъ проспьяковъ. Хозяинъ дому раздѣля

выйгрышь, подарилъ часы своему камердинеру.

Этотъ камердинеръ былъ смертельно пьянъ въ то время, какъ получилъ часы въ подарокъ. Онъ легъ спать не раздѣвшись и на завсрѣ чуть свѣтъ пошолъ въ пракпиръ и проигралъ ихъ на билиардѣ какому-то Спарикъ въ рыжемъ парикѣ.

Спарикъ обрадовался такой находкѣ — завернулъ часы въ бумажку, бумажку въ платокъ, а платокъ положи въ карманъ, пошелъ домой. Тутъ увидѣли часы большую перемѣну — ахъ! и онъ изпыпали непостоянство щаспія! изъ богатыхъ покоевъ перешли онъ въ сундукъ окованной железомъ, составявшій лучшую мебель въ домъ спарика. Часы опечалились сею перемѣною; но найдя въ сундукѣ болѣе десяти тысячъ червонныхъ своихъ земляковъ, утѣшились и такъ разсуждали: На что скипаться по свѣшу! что лучше щаспливаго уединенія! — эдѣсь, въ бѣдномъ сундукѣ, я буду жить щасливо — ни-

кто меня не разломаетъ и не разобьетъ.

Не долго однакожъ продолжалось щастіе часовъ. Старика ударилъ параличь — повѣса сынъ его открылъ сундукъ и чрезъ годъ полетѣли червонцы а за ними и часы. — Кому достались червонцы не знаю — но часы купилъ какой-то ученой, принесъ къ себѣ домой и повѣсилъ въ своемъ кабинетѣ. Жизнь человека сего весьма была единообразна. Въ пять часовъ онъ вставалъ и садился за бумагу — это продолжалось до девяти часовъ. Отъ девяти до двухъ, онъ ходилъ давалъ уроки грамматики, логики, метафизики, и пр. и пр. въ шпешемъ обѣдалъ, въ чепыре ложился отдохнуть, въ семь часовъ обыкновенно бранился съ своею женою, съ крѣпкими розгами своихъ дѣтей и послѣ сего полезнаго тѣлодвиженія, съ страшнымъ сердцемъ брался за перо и писалъ свой критическій Журналъ. Сколько терпѣли въ это время бѣдные сочинители и переводчики! Всякую книгу онъ воображалъ злодѣемъ и поступалъ съ нею какъ

съ своею женою. Малѣйшая ошибка, пропущенная комма, лишнее двоепочіе, эшаго уже довольно было, чшобы осудить книгу — никто его не слушалъ, эшо правда; но онъ не менѣ того все шаки писалъ, ибо ему надобно было наполнить извѣстное число страницъ. Смѣшны эши журналисты! они шаже общаются въ срокъ спавишь сполько-то страницъ чипапелямъ, какъ дровяникъ подряжается спсавишь шакое-то число сажень дровъ. — Но не мое дѣло разсуждать о спранносняхъ людей — я буду продолжать испорію часовъ. Такииъ образомъ проходилъ день и завпре начинался шакой же. У эшаго чудака часы пробыли довольно долго — но наконецъ полиція наскуча липсперальною войною, которую онъ не смотря ни на эпиграммы, ни на сапиры, поддерживалъ съ большимъ жаромъ, посадила его въ шюрму — жена обрадовавшись шакому удобному случаю и желая испребить даже малѣйшія остатшки учености, продала перья, чернила и все чшо было въ кабинетъ съ молошка — часы купилъ

полсшой дворянинъ — и такъ изъ
ученаго кришика, копорой не бь
воленъ ни одною книгою, часы пе
въ руки человѣка, копорой во всю
ничего не чипалъ, ни о чемъ не
и для копораго Мирамондъ и Ф
жери, Вольшеръ и Шапелень, бы
вершенно равны. Онъ былъ спр
охопникъ до собакъ — вспавалъ
вяшь часовъ и ходилъ въ конюшню,
сѣкъ плешми своихъ лакеевъ, и
привалъ лошадей, въ шакихъ поле
для общеспва прудахъ проводилъ
до двенадцати часовъ — въ двена
обѣдалъ подлинно по дворянски, по
садился на лошадь, рыскалъ сѣ
ками до десяти часовъ вечера и
нецъ поужинавъ сѣ большимъ а
помъ, ложился спать. — Часы бы
пробыли у эшаго чудака; но оде
онъ скакавши за бурою лисицою
сѣ лошадью въ ровъ, выломилъ себѣ
и переломалъ часы. Самъ поѣхал
костоправу, а часы послалъ къ ча
му мастеру. Такимъ образомъ
опяшь у прежняго хозяина. Онъ

началъ ихъ ломать, и исправя опдалъ охопнику назадъ. Часы были уже исправлены, а охопникъ все еще лежалъ въ постелѣ. Но удивляясь не чему — часы поправляяль шопъ, кпо ихъ дѣлалъ и кпо зналъ многосложной ихъ составъ, а его лѣчилъ человекъ, копорой ошъ роду въ первой разъ его видѣлъ. Наконецъ крѣпкое сложеніе и весенній воздухъ вылѣчили его — совсѣмъ шѣмъ въ знакъ своей благодарности, подарилъ онъ часы лѣкарю.

Опять новой баринъ! эшопъ велъ совершенно различную жизнь. Цѣлой день бѣгалъ по больнымъ и только ввечеру приходилъ домой. Чшо мой другъ? говорила ему жена, каковы швои больные? — Слава Богу! все идешъ хорошо! И въ самую шу минушу иногда приходили ему сказать, чшо шакой-шо и шакой-шо, копорыхъ онъ лѣчилъ, умерли. Не можетъ бышь! кричалъ лѣкаръ, я сей часъ шолько говорилъ женѣ, чшо имъ лучше. — Точно, сударь, умерли. — Такъ вѣрно они не слѣдовали моимъ

приказаніямъ? — Напрошивъ, от того-то и умерли. — Ну, такъ ихъ похоронишь, да прислать мнѣ за мои визиты! — И въ мѣсяцъ больныхъ было болѣе десяти че Болѣе всего удивляло часы то, ч карю плашили за то, когда онѣ чить, и за то, когда уморить. это щасливое ремѣсло! естльи не имѣлъ совѣсти, я желалъ бы лѣкаремъ! —

Однажды забрался къ лѣкарю и съ прочими бездѣлками у часы — лѣкаръ не спалъ въ по поймалъ вора на дѣлѣ и совѣстными вещами представилъ его вѣ

Судья человекъ очень чувствительной и доброй, не хотѣлъ сдѣлать несчастнымъ; но обобравъ и правиноваго, велѣлъ имъ вѣдаться мою суда. Чемъ кончилось это дѣла знаю; но знаю только то, что остались у судьи. Они шутъ : сполько чуднаго, что врядъ ли : пересказать вамъ. По ушрамъ о венно приходили къ судѣ челобит

въ домъ у него было два хода — всѣ пѣ, копорые приходили съ задняго крыльца, лучше принимались, нежели пѣ, копорые приходили съ передняго съ пушными руками. Эпопѣ судья всегда переводилъ часы по два раза въ супки, ш. е. когда надобно было выходить изъ суда, онѣ сшивилъ часомѣ впередѣ, а приходя домой часомѣ назадѣ, шакѣ чпо часы поминупно бы вѣпѣлись взадѣ и впередѣ, ешлы бы не пришло время выдавать ему дочь за мужѣ. . . . Онѣ опдалѣ ихѣ въ приданое дочери, миловидной блондинкѣ, копорая вышла за мужѣ за Стихошворца.

Первые два дни молодые провели очень весело, поминупно цаловались, увѣряли другѣ друга, чпо они будущѣ любилъ вѣчно. — Вѣчно! сказалѣ поэтѣ, вѣчно! мы будемѣ любилъ другѣ друга, какѣ Амурѣ и Психея, Абельярѣ и Элиза, я любилъ себя буду шакѣ, какѣ любилѣ Гекшорѣ Андромаху, Еней Дидону, Аншоній Клеопатру. . . . Въ прекрасной деревушкѣ, подѣ чистымѣ небомѣ, среди ушѣхѣ природы и любви,

мы будемъ житьъ съ побою и напомнимъ міру блаженное время щасливой Аркадіи. Цари позавидуютьъ нашему щасію — любви швоей я не промѣняю ни на какія сокровища міра, не захочу вѣнца за швою нѣжную улыбку! Позшъ вѣ восторгѣ написалъ предлинную піэсу, вѣ кошорой сказалъ вѣ спихахѣ все шо, что говорилъ женѣ вѣ прозѣ. На прешій день лишь только было сѣлъ онѣ переписывать ея на бѣло, какѣ поссорился сѣ женою, изорвалъ вѣ клочки свои спихи и написалъ другіе, вѣ которыхъ проклиналъ не только женидѣбу, но даже всѣхъ женщинѣ и клялся Спиксомѣ, Пегасомѣ и Ипокреной, (а эша клятва не шутка!) что нѣтъ щасіія вѣ женидѣбѣ. Не знаю, перемѣнилъ ли онѣ свои мысли или нѣтъ, попому что двѣ недѣли спустя онѣ нечаянно потерялъ часы вѣ театрѣ. Человѣкѣ, кошорой имѣлъ благородную привычку брать все, что ни попадется, поднялъ часы и пошелъ благополучно домой. Этомѣ человекѣ сѣ ушра до вечера рыскалъ по

ороду, ѳздилъ ко всѣмъ знапнымъ и
лучайнымъ людямъ, споялъ по нѣсколь-
у часовъ въ прихожей, пожималъ съ
лыбкою руку камердинера, цаловался
ѳ лакеями, гладилъ собачку, ѳздилъ на
малочкѣ съ дѣшми дворецкаго, подчивалъ
пабакомъ перюкмахера, поздравлялъ съ
добрымъ ушромъ Секретаря и споялъ
маса по при, какъ вкопаной, предѣ лицемъ
Его Превосходительства. Малѣйшій
взглядъ, слово сказанное мимоходомъ,
восхищали его болѣе всего на свѣтѣ,
онъ *такалъ*, хвалилъ вкусъ вельможи,
умъ, добродѣтель, познанія и еспубли-
кей Идолъ сквозь зубы сказалъ ему,
шобы онъ остался обѣдать — онъ бѣ-
калъ домой и рассказывалъ всѣмъ отъ
мала до велика, что Его Превосходи-
тельство унялъ его кушати и цѣлой
часъ говорилъ съ нимъ на единѣ, от-
крылъ всѣ тайны семейственныя, всѣ
связи придворныя — словомъ онъ сдѣ-
мался его совершеннымъ другомъ. —
Услыша новоспи — онъ развозилъ ихъ
по городу, прибавлялъ или убавлялъ соо-
бражаясь съ своими выгодами и хопя

слышалъ ихъ опѣ повара; но ска-
зывалъ, что ему говорилъ это самъ
вельможа и *по секрету*... Когда же слу-
чалось, что кто нибудь изъ его знако-
мыхъ награждался, то онъ грызъ паль-
цы, рвалъ волосы и выхваляя службу
свою, достоинства, умъ, изливалъ дома
весь ядъ зависти своей женѣ и на зав-
ше рассказывалъ шакія анекдоты, ка-
кихъ опѣ роду съ шѣмъ не случалось.

Такова была жизнь эшаго человекѣ-
никшо лучше его не могъ бы написать
Исторіи произшествій въ передней вель-
можи, потому что онъ двадцать лѣтъ
сряду всякое утро проводилъ шамъ и хо-
пѣлъ подлостью получить то, что слѣдо-
вало достоинствамъ и заслугамъ. Одна-
жды опоздавъ прѣхать по обыкновенію въ
переднюю вельможи, онъ подумалъ, что
часы его невѣрно ходятъ, осердился и
велѣлъ ихъ продать. Я купилъ ихъ...

Вопѣ исторія моихъ часовъ! те-
перь вы видите, что хотя она и не
такъ занимательна, какъ исторія міра;
однакожъ я надѣюсь, что вы помѣсти-
те ее въ вашемъ Журналѣ. — Ешья

случаться съ моими часами еще какія приключенія, я съ удовольствіемъ опишу ихъ и пришлю къ вамъ.

II.

Элегія VII (*)

Успѣхъ любви и надеждъ.

Гуляйте мои кони добрые по чистымъ лугамъ, гуляйте по лугамъ зеленымъ; опдыхайте кони бурные на мягкой травѣ, покойтесь на травѣ шелковой. Я соорю вамъ ясли писовыя, я накормлю васъ зернистымъ овсомъ; съ сихъ поръ я спану называть васъ *перелетными Соколами*: вы сослужили мнѣ службу великую, службу долгопамятную; вы принесли меня на милую спорону, гдѣ живетъ мой сердечной другъ, жизнь души моей—гдѣ живетъ Милена.

(*) Первые шесть Элегій напечатаны въ *Илюстратіи* и въ *Новостяхъ Руской Литтературы* Московскихъ Журналахъ. — Издашель ласкаетъ себя надеждою, что Элегія сія писанная совершенно въ Рускомъ вкусѣ, понравится Читателямъ.

Долго, долго я унывалъ въ разлукѣ; долго, долго я сокрушался по тебѣ прекрасная! я нечаялъ видѣть тебя. Разставшись съ тобою, я узналъ что такое тоска, что опчаяніе. Опъ единой мысли сердце замираетъ. Ахъ! ничего нѣтъ ужаснѣе опчаянія! это спраданіе всѣхъ казней, всѣхъ золъ люшѣйшее; это демонское наишіе, всего на свѣтѣ мучительнѣе. Оно содѣлываетъ красоту дня несносною, спокойствіе ночи ненавистнымъ, разлиываетъ горькую оправу свою на всѣ упѣхи, на всю жизнь; непускаетъ радость приближиться къ сердцу, и чтобы злѣе терзаетъ чело-вѣка, опвемлетъ у времени быспрошенность. Ахъ! Милена! лишенный счастья зрѣть тебя, я испыталъ всю жестокость сего адскаго состоянія! безъ тебя нельзя мнѣ существовать; безъ тебя все послыло; ничто безъ тебя неуслаждаетъ бытія моего; окруженный опвсюду гробнымъ одиночествомъ, я погасалъ какъ пощій свѣпильникъ лампы; и погасъ бы, умеръ бы, еспли бы не получилъ о тебѣ вѣсти радостной.

Тутъ вдругъ живошворный лучъ надежды
 блеснулъ въ унылой душѣ моей. Я про-
 будился, (такъ сказать), отъ смерп-
 наго усыпленія, свергнулъ съ себя пагуб-
 ное бремя опчаянія и предался совер-
 шенно надеждѣ; сей, возделѣннѣйшей
 всѣмъ дочери Неба, сей благошвори-
 шельницѣ рода смерпныхъ, ободряющей
 земледѣльца на тяжкѣй шрудѣ его; облег-
 чающей узы невольника, спенящаго въ
 чужой, дальнѣй споронѣ; возвращающей
 жизнь больному, на смерпномъ одрѣ
 шомящемуся; манящей сына Опечества
 на всякой подвигѣ чрезвычайной. О!
 превосходнѣйшая щедрота Боговъ, пре-
 вышающая всѣ, данныя ими намъ, благи!
 надежда, сладчайшѣй Некшарѣ жизни;
 сокровище сердца, всѣхъ сокровищъ
 дражайшее! буди съ нами неразлучна.
 Увы! сколь бы человекъ былъ бѣденъ
 безъ тебя? Но шобою свѣшлы дни его,
 хопя и часто шучею золь обуреваемы;
 какъ солнце сквозь облака сіяющее, ты
 освѣщаешь его бышье, озаряешь пупи
 его, предкновеніями учащенные; и ешь-
 ли ушро и полдень вѣка его пасмурны,

то ты общаешь ему, по крайнѣй мѣрѣ, тихой, безоблачной вечерѣ и ясное утро вѣчнаго дня. Сынѣ персти, сіе многостраждущее твореніе, непрещелѣ бы поприща своего, шерніемѣ усѣяннаго, ешьли бы ты его неподдерживала; на половинѣ онаго подѣялѣ бы онѣ самѣ на себѣ руки; побою же, ушѣшипельница смертныхѣ, сладкая надежда! побою для него все цвѣшетѣ; побою, въ глазахѣ его все ликуетѣ; побою онѣ дышетѣ; въ чѣмѣ сердцѣ ты присуествуешь, для того животворена вся вселенная... Милена! полюбя себя я узналѣ, что безѣ любви и безѣ надежды нѣтъ жизни. Сіи силы небесныя составляютѣ наше существованіе, управляютѣ нами и опкрываютѣ благородное произхожденіе наше. Безѣ любви и надежды, что сей міръ? — Всеобщій гробѣ.—Что въ немѣ человекѣ?—Спрадалецѣ, непрестанно преслѣдуемый смертію. Но съ любовію и надеждою, сей міръ — рай; человекѣ въ немѣ — духѣ чудотворный, которому и самыя стихіи повинуются.....

Для меня въ семъ мірѣ одна ты *все* — ты мой Геній ушѣшипель; кумиръ сердца моего.... О безпримѣрная чародѣйка! ты меня обворожила! скажи, скажи, любезная мучительница! гдѣ ты взяла твои волшебныя прелести? гдѣ ты взяла сію очаровательную любезность, сію побѣдоносную миловидность, коими украшены твои очи — какъ Небо голубыя; твои алыя ланиты, малиновые уста, темнорусые волосы, стройный станъ, ловкую поступь? Ты все похитила у природы; ты завладѣла всѣми ея сокровищами: сіяніе яркихъ звѣздъ ты заключила въ твои ясныя очи; изъ цвѣта упренныхъ розъ, ты составила цвѣтъ румянца твоего; бѣлизною лилей, ты покрыла гордую грудь; пріятноспію, свѣтлаго, майскаго утра, ты оживила твое круглое лице; простою, но пѣвнательною красою весны упоено все твое нѣжное тѣло; ею очаровано каждое движеніе твое; а голосъ твой, сей Ангельской голосъ, непрестанно раздающійся въ сердце мое, ты переняла у соловья, когда онъ спеналъ

испаева любовію; и у горлицѣ, когда онѣ въздыхали, когда млѣли онѣ, наслаждаясь любовными воспоргами.

Вдохновенный любовію и надеждою я преодолѣлъ всѣ препяшствія; побѣдилъ невозможность. Чего пошѣ не предпріимешѣ и несовершишѣ чей духѣ движимѣ сими небесными силами? Для шого необширна подсолнечная; шому млѣлки Океаны; для шого нѣшѣ ни горѣ, ни рѣкѣ; гладка для него поверхность земнаго шара, для шого всѣ времена года равны. Я помню, какѣ распавшись сѣ шобою, зимой, удалялся я отѣ жилища швоего, шогда сопупшвующая мнѣ любовь възпламѣняла для меня и самые льды; будучи разженѣ ею, я видѣлъ, я чувшвовалѣ что не снѣжныя равнины, но огненные поля я прешекалѣ. . . . Я превозмогѣ всѣ препоны, полешѣлъ кѣ шобѣ Милена, радость души моей! и самые вихри шоль бышпро не несущся, какѣ неся я, на резвыхѣ моихѣ *Соколахѣ*. (*)

(*) Названіе любимыхѣ коней.

Какой восторгъ проникъ душу мою, когда увидѣлъ я величественныя липы шѣ, въ пѣни коихъ скрывался швой уединенный домъ — мой храмъ! тогда сердце мое запрепешало и тысяча пріятнѣйшихъ воспоминаній воскресли въ моемъ воображеніи. — Наконецъ доспигаю. — Лобзаю перила крыльца, коимъ часто прикасалась нѣжная рука моей любезной; дрожащею и пламенною рукою берусь за дверь, вхожу въ спекольчатой, свѣшлой шеремъ и невижу Милены. Цѣпенѣю отъ недоумѣнія и сшраха. Но Милена, говоряшъ, пошла въ чистое поле, разсѣяшъ грусть свою. Мѣчуся вездѣ, пробѣгаю всѣ мѣста, нигдѣ нѣтъ Милены; уже красное солнце капится къ западу, а я, еще невижу моей радости. На послѣдокъ... Ахъ! прежде умру нежели испребится изъ памяти щаспливая минуша нашего свиданія! мнѣ сладостно каждое о семъ воспоминаніе; оно придастѣ мнѣ жизни и тогда, когда буду я при послѣднемъ моемъ дыханіи!... наконецъ, я нашелъ сокровище души моей; я нашелъ себя

Милена, мой ангелъ ушѣшишель. Но я заспалъ тебя не одну. . . . Такъ, ты была не одна на берегу шумно журчащаго ручья; ты не одна была! твоя первой былъ поварищъ, тихой вечеръ; твоя вѣрная подруга была шуманная печаль; крѣпкую думу ты думала, съ скромнымъ уединеніемъ; унылая пишина завѣдала твои тайны. — Объяпый священнымъ страхомъ я несмѣлъ къ тебѣ подслушать: препеналъ, едва дышалъ; невольный вздохъ вырвался изъ груди моей, ты взглянула и обомлѣла отъ изумленія. Успрема на меня взоры, ты долго спояла, какъ вкопаная. Я простеръ къ тебѣ мои объяпія; вымолвилъ твое драгое имя: ты упала ко мнѣ на руки, какъ цвѣтокъ косою подсѣченной; ты прижалась къ сердцу моему и радостное восклицаніе твое раздалось въ ближней роцѣ. . . . Нѣтъ, нѣтъ, еще не изобрѣшены тѣ слова, которыми бы можно было выразить восторгъ любовниковъ, послѣ горькой разлуки свидѣвшихся. Еще тогда Гений неслеталъ съ небесъ, который бы могъ

пересказать нашу радость. Еще никто не носилъ отъ пуда того чудеснаго пера, пера правильнаго, изъ праваго крыла птицы райской, которымъ бы можно было описать живо всю силу, всю безмѣрность нашего восхищенія.... Милена обвилась бѣлыми руками вокругъ меня: всю вселенную держалъ я тогда въ моихъ объятіяхъ. Сколько испощаемо было нѣжныхъ ласкъ, привѣпливыхъ рѣчей, милыхъ упрековъ, сладкихъ сердцу увѣреній, пламенныхъ поцѣлуевъ, страстныхъ вздоховъ!... Любовь открыла насъ отъ всего міра и сокрыла въ таинственное свое убѣжище, гдѣ провели мы, послѣ радостнаго вечера, самую щасливѣйшую ночь, спократъ пріятнѣйшую, несравненно лучшую многихъ дней.....

Павелъ Лвовъ.

III.

*Сассафрасъ и дикая виноградная лоза.**(Изъ писемъ Американскаго землед.*

Однажды прогуливаясь въ рощу, дочь мою Фанни, увидѣлъ я такое Сассафрасовое дерево прехлебное въ окружности и восьми футовъ вышины; оно было молодо, зато крепко. — Слабая виноградная лоза около его спелбля и начинала соединять вѣтви свои съ вѣтвями фраса. — Какое странное соединеніе! — сказалъ я, какая игра случая! Кажется посажено нарочно для пользы другой. Чшобы была эта виноградная лоза безъ помощи стволу Сассафраса? ... Мысль сия пришла мнѣ другую; и признаюсь — она была изъ пріятнѣйшихъ, когда давно уже не оживляли моего сада. Я приказалъ Негру принести нужное орудіе и мы вырыли это дерево. — На что вамъ это Сассафрасовое дерево? сказала мнѣ Фанни, и

шакъ ихъ много и на поляхъ и въ огородахъ? — Мамушка будетъ смѣяться, когда я ей раскажу съ какимъ прудомъ вырываете вы его. — Нѣтъ, милая дочь, сказалъ я, я увѣренъ — она не будетъ смѣяться! это я для тебя дѣлаю; не опходи опъ меня, шы увидишь, на что я его вырываю.

Я посадилъ Сассафрасъ въ моемъ саду между двухъ алей, созвалъ всю свою семью (я хотѣлъ чшобъ всѣ участвовали со мною) когда кончили работу, я сказалъ дочери моей: поди сюда дочь моя — слушай со вниманіемъ, что будетъ говорить отецъ твой. Къ тебѣ особенно относяшся слова мои, не выпускай ихъ никогда изъ своей памяти — слушай: я пересадилъ оба сіи дерева на это мѣсто для того, чшобы они были живымъ памяникомъ моей къ тебѣ любви. Дай Богъ, чшобы они принялись и начали росши. Ты видишь, что Сассафрасъ обремененъ эпою молодою виноградною лозою; это я, отецъ твой, копорой тебя носилъ на рукахъ своихъ и кошорой еще и шеперь шакъ часно

держитъ себя на своихъ колѣнахъ
 дишь эту молодую виноградную
 копорая поддерживается Сассафра
 это ты дочь моя: извивистыя
 лозы почно такъ заплѣшаются,
 ты меня обнимаешь; множеством
 лыхъ узловъ она привязываетъ и
 вѣшьямъ своего друга и покрови
 Замѣшь Фанни, что они оба пипа
 въ одномъ мѣстѣ и одною землею
 падая на одно, оплодотворяетъ и
 тое. Связь ихъ началась съ самаго
 копорого оспашокъ, какъ сама въ
 соединенъ съ другими. Связь эта
 пляется съ ихъ ростомъ; отъ
 перешла къ стеблю, а отъ стеб
 вѣшьямъ; будущимъ лѣтомъ уви
 какъ смѣшаются ихъ листья, цвѣ
 плоды! тогда благоуханіе вино
 соединенное съ ароматическимъ
 комъ Сассафраса, сдѣлается для
 еще разительнѣйшимъ изображе
 нашей связи и неразрывности и
 дружбы. — Она прекратится съ
 пію, такъ какъ сія благовонная
 исчезаетъ только отъ испаренія.]

предмѣшъ, которой заставитъ себя размышлять всякую весну.

Когда я умру и ты останешься господою сего помѣстья, вопшъ что скажи своимъ друзьямъ и дѣшямъ: бапюшка посадилъ это дерево 4 Окпября 1779 и посвятилъ его памяшникомъ родительской своей ко мнѣ любви. Онѣ назвалъ его Фанниевымъ деревомъ: это была любимая мысль его сердца—я ходила съ нимъ въ роцѣ слушая его наспавленія, какъ нечаянно увидѣлъ онѣ этошъ Сассафрасъ и эту виноградную лозу, копорая шеперь такъ выросла. — Слушай дочь моя, сказалъ онѣ мнѣ (пересадивъ ихъ на шеперешнее мѣсто) какъ этошъ молодой Сассафрасъ поддерживаешъ сию слабую лозу, такъ шочно я любилъ и пекся о тебѣ съ самага швоего младенчештва; какъ эта лоза, безъ Сассафраса слалась бы по землѣ безъ плода, не обрашца на себя ничьего вниманія, такъ шочно и я былабъ не воспитанною и неученою, безъ его помощи, безъ его шаранія о моемъ воспитаніи. Росши и цвѣши (продолжалъ онѣ) подѣ сею

опеческою кровлею, какъ оба сіи
будуць роспи и цвѣспи на новс
спѣ. — Вотъ, что пы имъ с
Вспомнишь ли объ эпомъ? — I
не забуду, бапюшка, словъ ва
то что теперь вижу. Обѣщан
запечатлѣла она слезами, съ ког
не могъ я удержаться чпобъ i
шашъ своихъ; слезы сіи были с
шія, какихъ давно уже я не про

— Приключеніе сіе праздни
всякой годъ, къ чему приглаша
своихъ сосѣдей. — Ты знаешь, что
ники наши всегда сопровождаюп
скою; или, лучше сказаць, у насъ
праздника безъ веселья и удовол
Наши удовольствія всегда выраж
пляскою. Нѣтъ ни одного праздни
году, копорой приносилъ бы мнѣ
ко удовольствія. Доброй Негръ Д
копорой давно уже пересталъ рабс
умѣетъ еще заставляць насъ пр
— Съ какимъ удовольствіемъ ра
ваешь онъ гостямъ подробности
произшествія, не забываетъ и
что онъ помогалъ мнѣ вырывать

фрасъ и за это дочь моя полюбила его еще больше. Когда она выдѣнъ замужъ, говоритъ онъ, по полгода буду жить у нее — хопя я не въ силахъ уже работать; но совѣшны спараго *Декабря* такъ же будущъ полезны дочери моего господина, когда она выдѣнъ замужъ, какъ мои полеченія, когда я носилъ ее рабенкомъ по полямъ, окупывалъ ее въ свой сершукъ и клалъ спать подъ дерево, когда самъ былъ занятъ работою. — Я ее такъ любилъ, какъ будто она была черная дѣвочка.

Простишь ли меня за то, что я къ тебѣ писалъ? Чувствую, что приключеніе сіе пріятно только для опца. — Вспоминая сіе блаженное время, забываю на минуту несчастіе, въ которое привела меня война. — Вспоминаніе сіе еще и шеперь наполняетъ и приводитъ въ движеніе сердце мое. — Среди окружающей меня бури, нѣтъ другога утѣшенія, какъ изобразить

шебѣ слабыми чертами тѣ
ные дни, копорые пролешѣли
мигѣ. Прости...

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Къ Амуру.

Божество Амуръ прекрасно
Царь небесной и земной —
Все тебѣ вездѣ подвластно,
Царствуй также надо мной.
Долго счастья я искала
Прелестей твоихъ не знавъ,
Наконецъ его узнала
Все во власть тебѣ отдавъ.

*

Я готова другъ мой нѣжной
Цѣпи вѣкъ твои носить.
Ахъ, одинъ ты въ жизни слезной
Можешь счастье намъ дарить.
Такъ прими же въ жертвы новы
Моей вѣрности обѣтъ,
Пусть побой, о Богъ любви!
Счастье дней моихъ цвѣтеть.

Ахъ! все красишься побойю
Все огнемъ твоимъ живешь
Лѣтомъ, осенью, весною,
Радость взоръ намъ твой лѣтеть.

Охраняй меня шы вѣчно
 Будь вождемъ моей судьбѣ —
 За сіе клянусь сердечно
 Вѣрной бышь по гробѣ шебѣ!

Бу. Ки.

II.

Пѣснь Вакху.

(Взятая изъ Афинскихъ пиршестъ)

Лейшесь вина аромашны
 Въ кубки серебряны, злашы,
 Обвивайшесь вкругѣ пріашны
 Свѣжи розовы цвѣшы.
 Лиру взявъ съ Анакреономъ
 Я хочю гремящимъ пономъ
 Вакха юнаго хвалишь:
 Слався, слався сонъ Семелог!
 Восклицайте всѣ въ веселы;
 Вакхъ повсюду да гремитъ!

Вакхъ веселый любитъ хоры,
 Любитъ пляски, хороводъ,
 Истребляешъ злосъ, раздоры,
 Гонитъ скуку, шьмы заботъ, —
 Въ юныхъ радосъ поселяешъ,
 Старымъ младосъ возвращаешъ

И любовью всѣхъ живишь.

Слався, слався сонъ Семелы!

Восклицайте всѣ въ весели;

Вакхъ повсюду да гремитъ!

Пусть Герои ищущъ славы,

На поляхъ враговъ разяшь —

Въ нѣдрахъ шишины, забавы

Мы щаспливѣй ихъ стокрашъ.

Мы щаспливы — хопь забвенны:

Наши лавры — плющъ зеленый,

Наша чесшь — побольше пишь!

Слався, слався сонъ Семелы!

Восклицайте всѣ въ весели;

Вакхъ повсюду да гремитъ!

Вакхъ мечшой насъ забавляя

Облеѣчаетъ шѣмъ шруды

И надеждою пишая

Учишь презирашь бѣды.

Всѣхъ равно къ себѣ приемишь,

Всѣхъ какъ братіевъ обѣемлешь,

И блаженство всѣмъ даришь.

Слався, слався сонъ Семелы!

Восклицайте всѣ въ весели;

Вакхъ повсюду да гремитъ!

Ешлы щастіе не служышъ,
 И наскучылъ зѣвшій свѣшъ;
 Много шопъ пускай не шужышъ,
 Дружно съ Вакхомъ заживешъ.
 Онъ бѣды свои и горе
 Сбросышъ съ плечъ, какъ камень въ
 Вакхъ злашой всѣмъ вѣкъ дарышъ.
Слався, слався сонъ Семелы!
Восклицайте всѣ въ веселы;
Вакхъ повсюду да гремитъ!

Вакхъ жезломъ своимъ волшебны
 Усморяешъ шигровъ, львовъ;
 Хоромъ дружескымъ, веселымъ,
 Музы съ нимъ поюшъ любовь.
 Онъ смягчаешъ и морозы,
 На снѣгахъ собираешъ розы,
 Чудеса вездѣ шворишъ.
Слався, слався сонъ Семелы!
Восклицайте всѣ въ веселы;
Вакхъ повсюду да гремитъ!

Вакхъ любышель правды шрого
 Онъ жыть правдой учышъ насъ;
 Всякъ иди своей дорогой
 И шверды на всякой часъ,

Чшо минушы жизни скоры
 Не успѣшь кинушь взоры,
 Какъ все въ вѣчность улешишь. —
Слався, слався сонѣ Семелы!
Восклицайте всѣ въ веселы;
Вакхѣ повсюду да гремитѣ!

Чпожѣ? — Какіе жершвы славны
 Мы ему за все явимѣ?
 Эши рюмки и спаканы
 Вмигѣ до капли осушимѣ!
 И на мѣсшо драгоцѣнныхѣ
 Приношеній, жершвѣ священныхѣ,
 Спанемѣ, спанемѣ въ вѣкѣ гласишь:
Слався, слався сонѣ Семелы!
Восклицайте всѣ въ веселы;
Вакхѣ повсюду да гремитѣ!

Бу. Ки.

III.

Конецъ молодости.

Въ дни рѣзвой юности моей
 Меня мечшы однѣ пишали,
 Пріятнымѣ все изображали
 Въ веснѣ моихѣ прошекшихѣ дней.

Тогда мое воображенье
 Лешало всюду съ быспрошой,
 Не зналъ я, что есть огорченье,
 Щасливъ былъ въкъ, покоенъ мой. —
 Но какъ не долго продолжалось,
 Какъ скоро скрылось, миновалось
 Сие спокойство юныхъ дней!
 Мнѣ въ сердце сильна спрасъ вселилась,
 Мнѣ М * * * съ прелесъми явилась,
 Погибъ покой души моей.
 Узналъ я горесъ и досады,
 Узналъ въ желаніяхъ преграды,
 Пріятность жизни прошекла
 Съ собой ушѣхи унесла.
 Я прежде думалъ, что спраданье
 Въ любви, лишь шолько пуштоша,
 Досады, горесшно шерзанье,
 Одни бездѣлки, иль мечша.
 Теперь повѣрю коль узнаю,
 Что отъ любви кто жизнь скончалъ;
 Я самъ всечасно умираю,
 Мнѣ свѣшъ посшылъ, несносенъ сталъ.
 Просши на въкъ очарованье
 Веселой юности моей,
 Твое одно воспоминанье
 Моихъ ошрава горькихъ дней.

Те вѣрю ни чему я нынѣ,
 I въ шягостной моей судьбинѣ
 Шрашусь себѣ подобныхъ я.
) М * * * для чего ты льстила,
 На что надеждой ты манила,
 Что будешь вѣкогда моя.
 На что я вѣрилъ обольщеньямъ,
 На что, вооружась перпенемъ
 Въ началѣ спрась не истребилъ?
 Тогда бы снова я покоенъ,
 Судьбой и жизнью доволенъ,
 Одни бы радости вкушалъ
 И огорченія не зналъ.
 Теперь прости мой вѣкъ щастливой,
 Прости блаженный вѣкъ и льсшивой,
 Съ собой ты жизни цвѣшъ унесъ,
 Сокрылся, въ вѣчности исчезъ.
 Ты М * * * можешь словомъ милымъ
 Пріяшность жизни возвратишь,
 Велѣшь сокрышься днямъ унылымъ,
 Опяшь велѣшь мнѣ снова жить.
 Но что несчастной ты мечтаешь?
 Иль ты шого еще не знаешь,
 Что рокъ себя къ бѣдамъ судилъ,
 Что мыслямъ, всѣмъ своимъ желаньямъ,

Упѣхамъ, щасшья ожиданьямъ,
 Онъ исполняшься воспретилъ.
 И шакъ шерпи шы участь зяую,
 Коль хочешъ М * * * вѣкъ любилъ -
 Иль брось надежду шы пущую,
 Скорѣй престань на свѣтѣ жить.

 IV.

Горестъ.

Сердце шомное страдаешъ
 Грусть, шоска его шягчилъ,
 И надежда изчезаетъ
 Отъ души моей лешитъ.
 Все уныло предо мною,
 Мрачно все въ моихъ глазахъ,
 Ахъ за что гонимъ судьбою
 Жизнь влачу свою въ слезахъ?
 Нѣтъ ошрадъ въ душѣ унылой
 Въ ней одна лишь скорьбь живетъ
 Въ скучной жизни сей, постылой,
 Больше радостей ужъ нѣтъ.
 Ошлешбли дни веселья
 И сокрылись отъ очей,
 Я вкушаю лишь мученья
 Въ долъ шягостной моей.

Ахъ! съ опчаяньемъ, съ шоскою
 Не возможно въ свѣшѣ жишь,
 І погда на что собою
 Ближнихъ и друзей пятчишь.
 Въ вѣчность духъ мой устремляйся,
 Покидай развратной свѣшѣ,
 Смерти ты не ушрашайся
 Въ ней убѣжище опъ бѣдѣ.

О друзья мои! родные!

Вы не плачте обо мнѣ;
 Въ дни веселые, молодые,
 Въ дни, гдѣ радости однѣ
 Душу, сердце оживляюшѣ,
 Я помился и спрадалѣ,
 Всѣ ушѣхи исчезаюшѣ,
 Ахъ, во вѣкѣ я ихъ не зналъ!
 Не грустите друзья милы
 О кончинѣ вы моей —
 Я въ обѣщаньяхъ могилы
 Зрю предѣлѣ поски своей.
 Неужели вамъ пріяшно
 Друга зрѣшѣ всегда въ слезахъ?
 Нѣшѣ, ошрадиѣ спократно
 Зрѣшѣ его въ покоѣ прахѣ.
 Вы его благословише
 Вспомня какъ я васѣ любилѣ,

И безъ горести скажете,
Въ жизни онъ несчастливъ былъ.

— 6

V.

Сонъ Скулаго.

Скупецъ одиножды на сундукахъ сидѣвши
И на замки глядѣвши,
Зѣвалъ — зѣвалъ,
Пошомъ и задремалъ.

Заснулъ — какъ вдругъ ему шакой присни
сонъ

Что будшо *нищему копейку подалъ онъ.*
Со шрепешомъ схватился —
Разъ пяшь перекрестился —

И швердо поклялся ужъ никогда не спаш
Чшобъ сновъ ему шакихъ ужасныхъ не вида

М. Г — 26.

VI.

Эпиграммы.

1.

Проходишь слава Царствъ, и Царства и
заюшь
Пальмира гордая, гдѣ шы?... Увы! не знаю

Александрѣвъ гробъ и городъ разрушенъ,
в кошоромъ сильный Царь земли былъ погребенъ.

ероевъ прахъ забышь, забышь и съ ихъ
дѣлами—

ты живишь въ вѣчности съ великими мужами,
ролимптинъ! захопѣлъ спихами!

2.

дословяишь Крассъ себя, безспыдно утверждающъ,

ладъ книгой что пвоей всѣ дремлющъ и зѣвающъ.

ложь! О клевета! Я зависши дивлюсь —
ачну себя чишашъ — со смѣху надорвусь!

Б...

VII.

Магригалъ.

бзецъ какъ Фидія Киприду
изъ хладна камня высѣкалъ,
тодесять дѣвъ для лучша виду
предъ нимъ держали пьедеспалъ,
лабы художникъ рѣдкой въ свѣтѣ
съ ихъ красы въ одну вмѣстилъ,
въ одномъ бы видѣлись предмѣшъ

Плѣнительныхъ шлоико силъ.
 Когда бы Лады въ наше время
 Опять Фидіасъ былъ шворцомъ,
 Красотѣ не нужнобъ было племя
 Служилабъ Хлоя образцомъ.

... й .

VIII.

Собака (*)

Басня.

Собака — гончая или дворная,
 О помѣ ко мнѣ вѣсть право не дошла
 Нѣтъ, вспомнилъ — виновашъ! — была ()
 Ну, вошъ она разѣ къ барину пришла

И говоритъ:

Давненько я служу моей тебѣ всей сѣ
 А въ бѣдности живу и нищеть посп

(*) Издашель чувствительно благодаритъ го
 неизвѣстнаго за присылку какъ сей басне
 и многихъ другихъ спихотвореній, нап
 ныхъ въ 3 и 5 Но сего Журнала. Онъ м
 себя надеждою, что г. неизвѣстный и
 будетъ присылать свои сочиненія, которъ
 шель всегда будетъ помѣщать съ удовольс

Пора бы голодомъ моришь

Тебѣ меня уняться,

Ие въ мочь ужѣ спало мнѣ за зайцами ша-
скашься. —

Ие сбшуй, вѣрной другѣ! — шумѣ баринѣ
возгласилъ —

Зсегда достоинства собачьи я цѣнилъ:

Гы храбро лазила въ болошо, въ лѣсѣ, въ
репейникѣ;

Извѣщенѣ мнѣ швоихѣ заслугѣ обширной
щотѣ;

И шакѣ въ награду, вошѣ

Тебѣ — *ошейникѣ!*

А. Бе.

IX.

Романсѣ.

(На голосѣ: *Пой во мракѣ тихой ночи.*)

Долголь, долголь будешѣ бишься

Сердце бѣдное въ груди,

Долголь будешѣ нышь, поминься?

Смершь! — скорѣй, скорѣй приди!

*

Ничего мнѣ не осталось,

Для чего бы въ мнѣ жишь —

Только сердце — чтобы рвалось,
И глаза — чтобы слезы лишь.

*

На землѣ мой взоръ унылый
Не находишь ничего;
Но въ землѣ — въ сырой могилѣ,
Тамъ — спокойствіе его!

*

Гдѣжѣ мечта — какъ упоенный
Я природу позабылъ,
Но *тою* лишь плѣненный
Все — въ *тебѣ* богошворилъ.

*

Землю шу — глѣ *теи* спупала
Землю шу я цаловалъ. . . .
Но увы! завѣса спала
Страшну правду я узналъ!

*

Я узналъ — О лучшебѣ вѣчно
Не встрѣчалъ *тебя* взоръ мой,
Чемъ — любя *тебя* сердечно
Знашь — что я забылъ *тобой*!

*

Для чегожѣ *теи* сердцу лспила,
Чтобѣ его лишь побѣдить?
Для чего змѣей *теи* была,
Чтобы послѣ уязвить?

Смѣйся ты, что я страдаю,
Что мученія перпяю,
Что онѣ нхѣ, я умираю —
Умираю — но люблю!

М. Т—гг.

ИЗВѢСТІЯ

Въ Иностранныхъ Журнальцахъ, что славной Бепти, пельной рабенокъ восхитивши кновенными паланшами своимъ скихъ жипелей и заслуживши гаго Гаррика, шеперь оченъ. Причиною болезни его полагаю слабленіе нервъ отъ сильнаго нія происшедшее. Жаль есп донской шеатръ лишится есп шера будепъ невозвращною, примбра ни въ одной испоріи всбхъ просвбщенныхъ земел двенадцати-лбпней рабенокъ прудныхъ прагическихъ роля сь такимъ искусствомъ и преславнбйшихъ актеровъ!

*

Въ Magazin Encyclopedique что шесть древнихъ Германскихъ рукописей, подаренныхъ Немецкимъ Королемъ Принцу Ваглеру, привезены уже въ Лондонъ. Предложилъ ученымъ и художникамъ брбсши легчайшій и вбрнбйші

развертывать и списывать не только
 ии шесть рукописей; но и шѣ, копо-
 ые находящяся въ развалинахъ Помпеи
 Геркулана. Споль важное изобрѣненіе
 принесло бы не малую пользу наукамъ,
 ибо нѣшѣ никакого сомнѣнія, чшобы
 въ такомъ множествѣ рукописей не
 было важныхъ, и припомѣ такихъ, ко-
 порыхъ издание рѣшило бы множество
 ученыхъ споровъ доселѣ о древности
 бывшихъ.

*

Въ Вѣнѣ недавно вышло узаконеніе,
 чшобы никто не могъ брать учителей,
 къ своимъ дѣтямъ такихъ, которые
 не были экзаминованы Университетомъ.
 Дѣти шѣхъ, кои преступяшѣ сіе узаконеніе,
 не могутъ быть опредѣлены
 ни къ какимъ должностямъ. Ничто не
 можетъ быть полезнѣе сего учрежденія—
 по крайней мѣрѣ (если экзамены
 сіи будутъ безпристрастны) никто уже
 не будетъ опасаться имѣть учителемъ
 невѣжду.

*

Число училищъ и учащихся показы-
 ваетъ нѣкоторымъ образомъ степень

*

просвѣщенія государства. Всякому Русскому конечно пріятно будетъ видѣть какіе успѣхи сдѣлало просвѣщеніе въ Отечествѣ нашемъ въ короткое время. Въ 1782 году при заведеніи народныхъ училищъ Великою ЕКАТЕРИНОЮ во всей Россіи было восемь училищъ и не болѣе пяти сотъ учащихся — чрезъ десять лѣтъ число сіе весьма увеличилось, такъ что въ 1792 году было уже болѣе 400 училищъ и 18000 учащихся. Чрезъ двадцать лѣтъ, т. е. въ 1802 году около 400 училищъ, тысячи учителей и 30000 учащихся. Со времени учрежденія Министерства народнаго просвѣщенія число сіе увеличилось почти вдвое. Какой Россіянинъ видя сіи успѣхи, видя попеченія правительства о благѣ народномъ, не прольетъ сердечныхъ слезъ удовольствія? Какой Россіянинъ не благословитъ имени АЛЕКСАНДРА, премудраго Отца Отечества?

С М Ъ С Ъ.

1.

Синонимы. ()**Чувство и Чувствованіе*

Желая хотя мало способствовать успѣхамъ Отечественной Словесности, я стараюсь по возможности, опредѣлить отличительныя черты сихъ двухъ словъ, которые хотя въ самомъ дѣлѣ весьма различны; но нашими писателями, особливо молодыми, употребляются одно за другое, безъ всякаго почти разбора.

Для показанія разности сихъ словъ возьмемъ подобные слова на иностран-

(*) *Синонимы или подобнозначащія слова, суть неложное свидѣтельство богатства языка. На Французскомъ языкѣ извѣстны Синонимы Рубо, Жирара, и проч. Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ помѣщены нѣкоторые изъ нихъ съ примѣненіемъ къ Рускому языку. Издатель чувствительно благодаритъ особу приславшую ему сіи Синонимы и проситъ впередъ присылать подобные для помѣщенія въ Журналъ.*

ныхъ языкахъ. *Чувство* называеи Французовъ *sens*, а чувствованіе *ment*. Всякой, кто хотя не много эсей языкъ, можетъ видѣть какі личны сіи два слова на ономъ.

Чувство означаетъ болѣе сво или дѣяніе физическое, а *чувств* качество души.

Чувствами называюися во пять главнѣйшихъ ощущеній чело (осязаніе, обоняніе, вкусъ, слухъ ніе) въ коихъ болѣе дѣйствуеиъ чечская, нежели моральная часть. Всѣ непосредственно отъ сихъ ощущеній происходяція понятія, ваюися также чувствами. Напри *чувство излцнаго*. Оно означаетъ пное впечатлѣніе, произведенное въ какимъ нибудь предметомъ дѣйстцимъ на пять первыхъ чувствъ на слѣдственно на физическую часть

Чувствованіями напроивъ того чаюися движенія души нашей, или почши поже) *страсти*. Надежда, ніе и пр. могутъ назваиъся *чувствніями*. Понятія о чувствованіяхъ

и дѣйствія души, происходящія отъ сихъ понятій, называются также симъ именемъ. На примѣрѣ: *чувствованія добродѣтели*. Добродѣтельной поступокъ производитъ пріятное впечатлѣніе непосредственно на душу; и такъ по, что описываетъ добродѣтель отъ противоположныхъ ей дѣяній, называется чувствованіемъ добродѣтели.

Глаголъ *огуствоватся*, происходящій отъ послѣдняго слова, принимается также въ обихъ значеніяхъ; но мы имѣемъ другой, которой можемъ описать сіи два различныя дѣйствія. Когда лежащій въ обморокъ человекъ приходитъ въ чувство, мы говоримъ: онъ *огнулся*, если же жестокосердый пронесся чѣмъ нибудь, мы говоримъ онъ *огуствовался*.

И. Г.

Анекдоты.

Одинъ корабль шедшій изъ
въ Ливорно былъ атакованъ Ал
Когда началось ручное сраженіе
бляхъ, одинъ пассажиръ спря
самую нижнюю каюпу корабл
полюко шумъ и крикъ ушихъ,
шелъ на палубу и спросилъ
совъ: *Что ребята? мы взяли,
взяли?*

Путешественникъ рассказы
Делавалу между прочимъ, что
дѣлѣ развалины, въ которыхъ
разъ повторяло каждое слов
еще не мудрено, сказалъ Дел
брата моего въ деревнѣ есть (и
взойдя въ нее часто говаривалъ: э,
эхо! и эхо всегда мнѣ отвѣчал
*стучите Сирѣ Делавале — все ли
бромъ здоровы?*

Два земледѣльца разговар
сильныхъ дождей бывшихъ в
весны и которые могли повредит

Ну, братъ! сказалъ одинъ, еспьли эпи дожди продолжатся, шо все выдешъ изъ земли. — *Ахъ, боже сохрани!* ошвѣчалъ другой, *у мня тамъ двѣ жены!*

*

Два матроса уговорились предъ сраженіемъ, что еспьли кого изъ нихъ ранишь, шо другой долженъ подашъ помощь раненому. Во время сраженія одному опорвало ногу — другой взялъ его на плеча и понесъ къ лѣкарю. Дорогою опорвало раненому голову, шакъ что матросъ несшій его на плечахъ, эшаго и не примѣшилъ. Офицеръ увидя, что матросъ шацишь на плечахъ другаго, безъ головы и ноги, спросилъ его: куда онъ идешъ? — Къ лѣкарю. — Да за чемъ же? ужъ онъ безъ головы? — *Ахъ, боже мой!* ошвѣчалъ матросъ, *онъ мнѣ сказалъ, сто ему оторвало ногу!*

*

Одинъ проповѣдникъ въ Бреспской провинціи, говоря проповѣдь о человѣческомъ несовершенствѣ, ошносясь къ человѣку вообще, спросилъ: *кто ты?* — Сержантъ, недавно прѣхавшій въ сію

провинцію думая, что эпопѣй вопросѣ опносишся къ нему, закричалъ: *Я сержантъ шеснадцатаго мушкатерскаго полку, приѣхалъ сюда съ командою для набора рекрутъ и чрезъ четвере дни долженъ обратно явится въ полкъ.* — Эти слова такъ смѣшали проповѣдника, что онъ не въ состояніи былъ продолжать своей проповѣди.

•

Эй! кто шамъ? кричалъ господинъ въ лакейскую. — Я сударь! отвѣчалъ Иванъ. — Что ты дѣлаешь? — Ничего, сударь. — Яковъ шамъ? — Здѣсь, сударь. — Ты что дѣлаешь? — *Помогаю Ивану!*

•

Одинъ путешественникъ прибывъ изъ Италіи разказывалъ между прочимъ, что изъ всѣхъ славныхъ картинъ, копорыя онъ видѣлъ въ Италіи, болѣе всего ему понравились *Симарозовы*, а *Рафаелова* музыка болѣе всего разстрогала его сердце!!

•

Онъ опасенъ для женщинъ! сказала одна дама про молодого стихошворца. —

*Ахъ, нѣтъ! сударыня! онѣ болѣе опасенѣ
для гитателей!* оповѣчалъ Н. . .

Великія произшествія раждаюцца
опѣ маловажныхъ причинѣ. — Г. И. . .
человѣкъ очень своенравный и суровой,
имѣлъ у себя домашняго Секретаря
очень бѣднаго и посредственныхъ даро-
ваній человѣка, копорой хопя и сносилъ
всѣ капризы Г. И. . . ; но никакъ не могъ
заслужить опѣ него даже ласковаго
взгляда. — Однажды Г. И. . . пе обыкно-
венію сердясь на всѣхъ, хотѣлъ писать
письмо, схватилъ бумагу, перо, и напи-
савъ одно слово, вскочилъ со стула и
спросилъ: кпо чинилъ эпо перо? — Бѣд-
ной Секретарь видя неминуемую бѣду,
принужденъ однакожъ былъ признаться
чшо эпо перо чинилъ онѣ. — Ты чинилъ
его? закричалъ И. . . хорошо! я тебѣ ни-
когда не забуду! — Съ сей минушы онѣ
удвоилъ его жалованье и по смерти въ
духовной опказалъ ему не малую сумму
денегъ. Секретарь сдѣлавшійся щаспли-
вымъ опѣ пера, живешъ и по нынѣ

и рассказываетъ эшопъ странной анекдотъ.

*

Елисавета Королева Англинская, обѣдала въ замкѣ Сира Ревилля, близъ Тильбури. За споломъ болѣе всего понравился ей жареной гусь, копорой она ѣла съ большимъ удовольствіемъ и послѣ спрося рюмку Бургондскаго вина, выпила пожелавъ разрушенія непобѣдимаго Испанскаго флота. Не успѣла она поставишь рюмки, какъ пришло желаемое извѣстіе, что страшная буря выполнила желаніе Королевы. „Подайте мнѣ еще рюмку Бургондскаго,“ сказала она, чтобы желудокъ лучше „сварилъ гуся и такія хорошія вѣсти.“

Чрезъ годъ Елисавета вспомнила сей веселой день и велѣла къ сполу изготавишь жареныхъ гусей. Придворные послѣдовали Королевѣ, а придворнымъ подражалъ народъ — такъ что съ сего времени въ Англии вошло въ обычай ѣсть гусей въ Михайловъ день, что и по нынѣ продолжается.

Маія 8 дня.

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

Іюнь. 1805.

№ 6.

I.

Зеркало Истинны.

Въ Кашемирѣ или Багдадѣ, право не помню гдѣ, а знаю только, что въ Азїи, какой - то Аравитянинѣ объявилѣ, что онѣ привезѣ такое зеркало, которое всѣмѣ показываетѣ правду — Царю и рабу равно, не смотря на лица.

Кто не любитѣ Истинны? Тотчасѣ разнеслась объ эпомѣ молва по городу — пошли разные полки. Ахѣ, моя милая! слышала ли ты? Привезли зеркало истинны? Пойдемѣ смотрѣшь его! пожалуйста скорѣ! какѣ бы не опоздашь. — Ахѣ, Боже мой! кричали Судьи и лицемѣры, зеркало истинны!

Часть II.

5

мы всегда любили ее! пойдём
дём скорбе! — Пойдёмъ см
зеркала! кричали скупые, его
вающъ даромъ! пойдёмъ скорбе!
вомъ, весь городъ бросился см
чуднаго зеркала — всѣ знашные,
ные, всѣ женщины молодья и с
глупые и умные, богашые и
опрометью бѣжали смотрѣшь :
даже великой Багдашской Кади
общему удивленію, въ первой
жизни, прѣхалъ слушашъ исти

Зеркало спояло въ больш
и было завѣшено шафшою. Ко
наполнилась любопытными, А
нинъ открылъ зеркало и пре
всѣмъ подходиль по одиначкѣ
прѣхся въ него. Всѣ полпили
снились, всякому хопѣлось и
первому и доказашъ пѣмъ, чшо
спрашишся истинны — наконец
вились, чшобы первые посмо
*старухи, за ними красавицы,
молодые люди, за ними старики,*

(*) То же чшо судья.

отой, а памѣ лѣкари. — Кадѣ рѣшилсѣ одойши послѣднѣй.

И шакѣ подошла жеманщица спашуха — женщина лѣтѣ за пяпдесѣтѣ, ошорая ещѣ бѣлилась, румянилась и хощѣла нрависьѣ. Но о боги! вѣ зеркалѣ она увидѣла себя худою, шощѣ спарухою, вѣ морщинахѣ — злая коргамлюнула вѣ зеркало и пошла прочѣ. Все собраніе засмѣялось — вѣ первомѣ жару она хощѣла уйши изѣ залы; но вспомня, што и шесшпдесѣтѣ-лѣтнѣя сосѣдка еѣ не шаспливѣе еѣ будѣтѣ, сѣла опѣтѣ вѣ кресла и начала шущипѣ на еѣ щѣпѣ. — Чшо сказатѣ вамѣ? Всѣ спарухи имѣли одну учасѣ и всѣ сѣ досады плевали вѣ зеркало и хощѣли разбшпѣ его; но молодѣя красавицы и ихѣ обожатѣли, (копорыхѣ была большѣя половина вѣ залѣ) переспорили спарухѣ и зеркало удѣлѣло.

Тѣперь вашѣ очередь, сударыни! сказалѣ Аравшпннѣ красавицамѣ. Онѣ встали сѣ креселѣ и пошли смопрѣшсьѣ вѣ зеркало. Тутѣ мшлѣя блондинка увидѣла, чшо она прекрасна, обрадовалась,

посмотрѣлась еще — и увидѣла большіе рога на лбу своего мужа.... Чернобровой красавицѣ зеркало сказало, что она зла, шой что она любитъ злословишь, другой, что она кокешка — словомъ зеркало показывало правду и красавицамъ шакже не полюбилось, какъ и спарухамъ — онѣ соединились вмѣстѣ и хопѣли было разбишь зеркало; но милая нѣжная Зулеима, копорой зеркало сказало, что она мила, добра, прелесшна, помнымъ взоромъ усмирила ихъ — гласъ добродѣтели былъ услышанъ — и зеркало оспалось цѣло.

Теперь подходятъ щеголи — боги! какая ихъ куча! Иной смопришь на зеркало въ лорнешъ, иной припасъ духи говоря, что истинна дурно пахнетъ — иной шаркаетъ, коверкается; но справедливое зеркало не говорило имъ комплиментовъ. — Ты глупъ, шы несносной волокиша, шы невѣжда, шы дурно одѣтъ, а шы еще хуже. Тупъ возспалъ всеобщій ропотъ, всѣ кричали, что бы разбишь зеркало; но Кади засшупился

а истинну и велѣлъ подходишь спариамъ.

Что сдѣлалось съ нашимъ Кади? говорили спарухи, какая въ немъ переѣвна! Кади защищаешъ истинну! что шо значипъ? Эшаго прежде никогда не бывало!

Клянемся Аллою! кричали бѣдные споявшіе въ углу залы, клянемся Аллою, что нашъ Кади съ ума сошелъ, или скоро будетъ преспавленіе свѣта!— Кади никогда не любилъ истинны, всѣ неправильно рѣшенныя тяжбы, служащъ пому доказашельствомъ.

Между пѣмъ спарики смотреѣлись въ зеркало. Ты скупъ спарикъ, говорило зеркало — ты напрасно щуняешъ молодыхъ людей — ты напрасно хвалишъ старое и хулишъ новое — ты напрасно копишъ деньги — ты напрасно думаешъ плѣнять красавицъ; лѣта швои прошли, оставъ эшо молодымъ.—Спарики замахали коспылями и грозились разбишь въ дребезги проклятое зеркало, кошорое всѣмъ говорило правду.

Вдругъ подошли поэзы и несли огромныя связки Одъ, Эпипаламъ, Сопе-повъ, Мадригаловъ, Эпиграммъ, Эпиполъ, писанныхъ всякой мѣры и всякаго рода спихами. Каждой хотѣлъ посмотреѣться въ зеркало, всякой съ нешерпѣнїемъ ожидалъ, что оно скажетъ; но чтожъ? Зеркало имъ всѣмъ сказала, что они пишушъ оды и прославляюшъ иногда людей недоспойныхъ лестныхъ похвалъ. Тутъ поэзы разсердились и начали рвать оды, которыя они было заготовили въ честь зеркалу.

Прочїе писатели заглянули также въ зеркало — оно имъ совѣтовало менѣе нападать на слабости другихъ, имѣшь болѣе любви къ собратїямъ своимъ, и по меньше марасть бумаги. Всѣ они спрашно осердились и клялись учеными бородами своими осмѣять испинну всѣхъ Арабскихъ Журналахъ. Одинъ Схоласстикъ (*) хотѣлъ написашъ огром-

(*) Всякая земля имѣетъ своихъ Схоластиковъ — Кашемиръ или Багдашъ не изключаются изъ общаго правила.

ной Фоліаншъ и доказашъ ученому и не ученому свѣту, что это суцій обманъ и что зеркало истинны существовать не можетъ. И такъ какъ эти люди придерживаются старой модѣ начинать все отъ сотворенія міра, или по крайней мѣрѣ отъ попопа — онъ хотѣлъ также начать отъ Адама и обзрѣвъ какимъ образомъ составилось общество и возникли просвѣщеніе, науки и художества, показашъ изобрѣшеніе стекла Финикіянами, попомъ изобрѣшеніе зеркалъ и наконецъ обзрѣвъ всѣ зеркала спальные и стеклянные украшавшіе великолѣпнѣйшія зданія міра, начиная отъ Капишоліи до палатъ великаго Могола, дойши до зеркала истинны, и описавъ его мѣру, толщину, когда, кѣмъ и куда оно было привезено, доказашъ, что оно никогда не существовало, не существоуетъ и впредъ существовать не можетъ. Схоласпикъ распространился о своемъ сочиненіи, доказывалъ пользу онаго, и пр; но Кади велѣлъ ему молчать и пре-

дложилъ придворнымъ смотрѣться въ зеркало.

Царедворцы видя всѣ опыты справедливости зеркала, совсѣмъ было не хотѣли идти; но стыдъ превозмогъ надъ страхомъ, они шли робко и хотѣли лестію и поклонами снискати благоволеніе зеркала; но оно сказала имъ, что они торгуютъ правдою царевою и угниѣпаютъ народъ, что ядовитая лесть ихъ для народа пягоспяѣ войны, мора, голода и всѣхъ подашей и налоговъ,

Наконецъ подошли лѣкари; зеркало показало имъ только реэстръ людей отправленныхъ стараніемъ ихъ на потъ свѣтъ. Число сіе превосходило число родившихся. — Лѣкари бросали съ досады въ зеркало порошками и микстурами и клялись, что естли Аравитянинъ занеможепъ ни одинъ изъ нихъ не поидетъ его лѣчить, хотя бы онъ былъ при смерти боленъ. Доброй Аравитянинъ не только симъ не опечалился; но еще благодарилъ ихъ за такое спасительное обѣщаніе. Тутъ всѣ закричали,

пообъ разбить проклятое зеркало, которое всѣмъ говорило правду; но Кади казалъ, что онъ еще не смотрѣлся — съ дали дорогу Кади, которой подошелъ не безъ страха къ зеркалу и лишь полько взглянулъ въ него, какъ увидѣлъ въ немъ толпу народа имъ обвиненнаго несправедливо, кучу неправильныхъ рѣшеній и цѣлой лѣсъ прутьевъ выросшій изъ обломковъ, которые остались послѣ битья по пятамъ неправильно имъ осужденныхъ. Посмотрѣлъ еще и увидѣлъ, что онъ мучился въ адѣ, плавая по горло въ слезахъ несчастныхъ имъ притѣсненныхъ. Тутъ Кади въ ярости ударилъ чубукомъ въ зеркало — все собраніе послѣдовало его примѣру и зеркало разбили въ дребезги — — —

Преданіе говоритъ, что съ тѣхъ поръ истинна не появлялась уже въ Багдадѣ. Что старухи все еще стараются нравиться, люди другъ друга злословятъ, Царедворцы льстятъ Царямъ, льстецы ихъ превозносятъ до небесъ, Кади плушетъ, грабитъ и притѣсняетъ невинныхъ; богатство въ уваженіи, бѣдность

въ презрѣнїи и слезы несчастныхъ
льются рѣкою....

II.

Новой Мудрецъ.

Однажды проѣзжая чрезъ*** провинцію я не могъ найсти лошадей въ одной деревнѣ — это меня пѣмѣ болѣе огорчило, что не было даже порядочной конюшни, гдѣ бы можно было отдохнуть путешественнику. Вездѣ черныя избы, вездѣ бѣдность и нищета, развалившіяся хижины, выбитыя стекла, въ дурную погоду представляли худую опраду для человека, которой не спавъ всю ночь, хотѣлъ отдохнуть. — Я сердился, жаловался на свою участь — наконецъ одна добрая старуха указала мнѣ опрятную избу. Тутъ живешъ Яковъ, сказала она, спускайте къ нему баринъ! онъ доброй человекъ...

Я вошелъ въ избу — въ ней все было чисто, все опрятно — человекъ пожилыхъ лѣтъ сидѣлъ на лавочкѣ и плелъ

изпши — жена его мыла деревянную посуду. Онъ принялъ меня съ радостію, доставилъ свою робушу и спарался всѣми силами доставить мнѣ покой.

Чемъ ты живешь, мой другъ? спросилъ я. — Работою, сударь. — И нескучаешь? — Чѣмъ скучаешь? Кто умѣетъ быть малымъ доволенъ, тотъ всегда веселъ! — Эшотъ отвѣтъ просполюдина удивилъ меня. Я спарался завести съ нимъ разговоръ и узнать лучше его образъ мыслей.

Неужели, сказалъ я, ты никогда не сѣповалъ на судьбу, неужели ты всегда былъ доволенъ своею долею? — Съ тѣхъ поръ, какъ я поселился здѣсь, отвѣчалъ спарикъ, я никогда не ропшалъ на судьбу. — Но въ такомъ краю! въ такой хижинѣ! . . . — Ахъ, сударь, сказалъ спарикъ, вы живете въ свѣтѣ, въ разсѣянносши, вы не знаете ни цѣны удовольствія, ни цѣны жизни. Сердечныя упѣхи чужды столицѣ. Чесполубіе и слава владѣютъ вами. . . .

Но слава есть цѣль благородныхъ душъ, сказалъ я.

Ахъ, сказалъ онъ, нѣкогда и я г
 славою! было время, когда и я поси
 въ ней верховное блаженство! я б
 гатъ, много значилъ въ свѣтѣ—л
 всего, грустилъ, былъ въ опча
 удалился въ пустыню. — — Здѣсь
 красотъ природы, въ благодѣше
 климатъ, въ споронѣ чуждой по
 нашель Лизу — и забылъ измѣну
 . . . Тутъ Лиза бросилась въ его об
 они поцѣловались какъ нѣжные
 ники — сердечной вздохъ вырвал
 груди моей и слеза сердечнаго у
 ствія блеснула и канула на мою г

Такъ сударь, продолжалъ
 (такъ я буду называть его) п
 былъ богатъ. Родясь съ пылким
 цемъ я думалъ найти на землѣ Аси
 вѣкъ — но горестные опыты по
 мнѣ, что въ желѣзныхъ сердцахъ
 вѣкъ золотой не водворялся. —
 майше однакожъ, чтобы я былъ
 пропъ — нѣтъ! часы нещасія :
 но сладки минуны удовольствія!
 есть утѣхи сердечныя, копорыя
 вляютъ забывать всѣ нещасія!

нушѣ, разоренѣ людьми, презрѣнѣ тѣми, которые прежде искали моей дружбы, я предавался опчаянїю; иногда вѣ изступленїи ропшалѣ на небо; но Вѣра — сія единственнаѣ опрада нещасливыхѣ, сія опора челоуѣковѣ, подкрѣпила меня — я просилѣ людуѣмѣ, забылѣ ихѣ — и теперь щасливѣ.

Но сѣ такимѣ сердцемѣ, сѣ такими чувствами, для чего оставляшѣ свѣтѣ, копорому вы бы могли бышѣ полезны?

Развѣ вы думаете, сказалѣ онѣ, что я бесполезенѣ для общесѣва? Я пашу землю, сѣю хлѣбѣ. Ахѣ! сударь, перемѣните ваши мысли и вѣрыте, что земледѣлецѣ полезнѣе для государсѣва, нежели пунедцы вѣ свѣтѣ живущіе....

Долго я просидѣлѣ у старика, долго говорилѣ сѣ нимѣ сѣ сердечнымѣ удовольшвіемѣ и наконецѣ расшася, какѣ растающся давнїе друзья!...

III.

*Объ ученыхъ Женщинахъ.**(Изъ иностр. Журнала.)*

Я не люблю ученыхъ женщинъ и соглашаюсь съ Ж. Ж. Руссо, что *остроумная женщина не рѣдко бываетъ въ наказаніе мужу, домашнимъ и всему семейству.*

Но неужели для эшаго запретишь женщинамъ учиться, неужели должно думать, что граціямъ не прилично украшаться познаніями?

У всѣхъ народовъ женщины отличившіеся своимъ воспитаніемъ и семейственными добродѣтелями, были примбрами въ разговорахъ на опечеспвенномъ своемъ языкѣ, копорой всегда онѣ употребляли въ общежитіи и старались его доводить до совершенства. Цицеронъ эшо замѣчаетъ Римлянамъ. Выхваляя одного Оратора говоритъ, что онъ почерпнулъ свое краснорѣчіе изъ *семейственныхъ разговоровъ*; что эшо было *родовымъ нарѣчіемъ* шѣхъ славныхъ Римлянокъ, копорыя приобрѣли уваже-

не отъ супруговъ своихъ, а сіи послѣдніе приобрѣли такое же уваженіе отъ цѣлой вселенной.

Женщины вообще любятъ въ разговорахъ ясность и пріятность и старающіяся всѣми средствами до того дойти. Онѣ могутъ имѣть успѣхъ въ стихахъ сочиненіяхъ, въ которыхъ описываются спраси, ушончаешя похвала, смягчаешя кришика и заключаешя нравоученіе. Могутъ имѣть успѣхъ въ письменномъ слогѣ, въ искусствѣ разказывашъ, въ алегоріяхъ, въ описаніи нравовъ своего вѣка и въ романахъ—пошому что прилѣжно упражняющіяся въ искусствѣ разговора, что взаимныя ихъ примѣчанія заставляющъ бытъ прилѣжнѣе въ выборѣ хорошаго слова, откидывашъ все неправильное и не прилично, что пріятной разговоръ ихъ приписываешя имъ въ красоту, слѣдственнo бытъ искусствѣ другой въ разговорѣ дѣлаетя ихъ необходимостію. Имъ позволено казашъя чувствительными со скромностію, бытъ спраспными съ воздержаніемъ, любитъ шушки съ невинностію.

Итакъ самое ихъ чистосердечіе всегда бываетъ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ прищворствомъ, прищворство ихъ управляется слабостію, а слабость составляетъ часть ихъ силы. Онѣ желая съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ убѣждать всѣхъ своими словами, стараются приобрести всю къ тому способность.

Лабрюйеръ сказалъ, что *угрюмую женщину можно уподобить хорошему оружію, которое лежитъ въ арсеналѣ безъ всякаго употребленія.* Однакожъ сказалъ и то, что *голосъ угрюмой и скромной женщины есть пріятнѣшая гармонія.* И почему же тѣ, которымъ въвремя мы спокойствіе и обязанности семейственныя, должны быть лишены всѣхъ благъ воспитанія?

Нѣтъ никакой нужды раздѣлять съ женщинами пягости государственныхъ должностей; кажется, что ихъ собственная польза и наше общее благо, согласны въ семъ случаѣ съ законами природы. Но удаляя ихъ отъ всѣхъ дѣлъ, справедливо ли будетъ, еслии запрешишь имъ имѣть понятія о дѣлахъ?

включая женщинъ въ нѣдра семействъ, есправедливо бы было лишать ихъ сѣхъ способовъ украшать сіе убѣжище равовъ, запрешить имъ невинныя увеленія, запрешить основывать училища блаженства и добродѣтели. Неправедливо бы также было опнять ихъ книги и перо, копорымъ они е рѣдко сшоль искусно владѣютъ...

” — ”

IV.

Клеантъ къ Эрасту ()*.

Л. . . . Августа. 1804.

Положеніе мое, любезной другъ, асѣ отъ часу спановишся тягостнѣе. Теперь чувствую всю силу той любви;

*) Одинъ молодой человекъ, мой приятель, пишеть новой романъ подъ названіемъ: *Клеантъ и Лиза*. Чувствительное сердце, я довольно хорошія познанія въ Словесности, соединенныя съ истинностію произшествія, заспаваютъ ожидать хорошаго произведенія. Желая познать Читайшелей моихъ со слогомъ

которую мы справедливо называемъ пираномъ сердца. Я совершенно лишился покою, лишился сна — что я говорю? я лишился почти разсудка. Вчера цѣлую ночь бродилъ я по окрестностямъ Л... безъ цѣли и плана — одинъ, въ сердечной скорби — и въ безпамятствѣ вездѣ думалъ видѣть слѣды Лизы. Лизы пльнившей меня — сей божественной, несравненной женщины, безъ которой нѣтъ счастья для меня на земли, безъ которой я не могу болѣе жить. Каждой цвѣпочкѣ казалось скучалъ о ея отсутствіи и говорилъ мнѣ: *нѣтъ твоей Лизы!* Каждой свистѣ соловья проникалъ въ глубину сердца и терзалъ мой духъ — нѣтъ Лизы! Боже!..

новаго сочинителя, я съ удовольствіемъ помѣщаю въ Журналъ письмо Клеанта къ другу его Эрасму. Предваряю читателя, что это письмо не лучшее, оно взято почти наугадъ. Я смѣю надѣяться, что довольно чистой слогъ и пламенные чувства молодого Авшора, сдѣлають письмо сіе занимательнымъ.

Изд.

Я взошелъ на великолѣпную гору, копорая лежишь за садомъ Г... мысль что я иду по шой пропинкѣ, по копорой можешъ бышь ходила Лиза, влекла меня далѣе, далѣе, на самую вершину — шущъ сердце мое облегчилось — я взглянулъ на обширное озеро и вездѣ искалъ моей Лизы! чистой лазурь покрывалъ Небо, никакое облачко не зашмѣвало сребристаго блеска луны. Ахъ! сказалъ я, естли бы пакъ ясно было въ душѣ моей, естли бы пакъ чисто было въ моемъ сердцѣ, естли бы никакая шучка будущаго нещаспя мнѣ не угрожала и не зашмѣвала щаспливаго расположеня моего сердца! Лиза! гдѣ ты? Гдѣ ты другъ сердца моего? — — Прошли радости какъ мигъ и я опять вижу себя въ одиночествѣ!

Луна, сія вѣрная спущница, сія молчаливая свидѣтельница нещасныхъ и щаспливыхъ любовниковъ, плавала надъ пространной равниной и какъ бы любуясь въ чистотѣ водъ блескомъ своимъ, освѣщала всю поверхность озера и шмѣвала умножала великолѣпіе сего зрѣлица —

такъ Лиза моя смогрѣлась нѣкогда въ зеркало и любуясь совершенству своему, изображала въ немъ образъ ангельской своей невинности.

Легкій Зефиръ иногда жмурилъ гладкую поверхность озера и слабымъ колебаніемъ сребристыхъ волнъ превожилъ зеркальную равнину водъ. Иногда шорохъ древесныхъ листьевъ нарушалъ тишину, которая казалось царствовала во всей природѣ. Ахъ, нѣтъ душевнаго спокойствія, которое бы не было парусаемо бурю спраспей—нѣтъ счастья, которое бы не оправлялось горестію—нѣтъ розъ безъ шиповъ, нѣтъ любви безъ слезъ. Слеза сердечной скорби канула на грудь мою и сердце мое задрепешало. — Боже! Боже! не естъли это знакъ новаго нещасія, новыхъ бѣдствій мнѣ угрожающихъ? Естъли въ непроницаемыхъ тайнствахъ книги судьбы предопредѣлено испытать намъ еще новыя горести, новыя бѣдствія—излей ихъ на меня, обрени сердце уже привыкшее къ нещасіямъ; но спаси мою Лизу!

Между тѣмъ время летѣло — я взглянулъ на часы: былъ уже первой часъ. Я обрадовался, что насталъ новый день и хопя я днемъ сшалъ ближе къ гробу; но за шо и время моихъ мученій однимъ днемъ сдѣлалось короче.

Въ сіе время царствовала глубокая пишина — вся природа опдыхала на лонѣ покоя — шолько не было покоя въ душѣ швоего друга — спрашная буря мечшаний колебала мое сердце... Въ сей глубокой, мрачной пишинѣ мнѣ казалось, что я одинъ во всей вселенной. Я нимало не чувспвовалъ лишенія сообщества; но чувспвовалъ лишеніе Лизы, чувспвовалъ что она замѣнила бы мнѣ лишеніе всего свѣша и нещаспную судьбу мою однимъ взоромъ, одною улыбкою превратила бы въ рай ушѣхъ!... Какое шщепное желаніе! Я взглянулъ не синее Небо — шамъ, сказалъ я, обшшаетъ шо великое Существо, которое распредѣляетъ судьбами нашей жизни. Въ нѣдрахъ его шеряется звѣношой дѣпи нашей участи, къ копорой мы привязаны невидимыми нишами.

Для чего созданъ я человѣкомъ, для чего даны мнѣ чувства и сіе сердце, столь чувствительное, главной виновникъ моихъ бѣдъ? Для чего я не неодушевленный металлъ — я не чувствовалъ бы пріятности здѣшной жизни; но за то не зналъ бы и горкихъ мученій. — Ахъ! Эрастъ, въ жизни радости такъ мало противъ спраданій, что они подобны медовымъ каплямъ опущеннымъ въ чашу желчи. Они столь кратковременны, что подобны розовому кусту, на которомъ розы цвѣтутъ одно лѣто, а иглы остаются на вѣкъ. Но благодѣтельное божество все премудро устроило и дало человѣку надежду, сію опраду несчастныхъ, дабы удержатъ его отъ отчаянія. Одна минута радости, минута сердечнаго удовольствія, изглаживаетъ изъ памяти нашей вѣки горестей. Ахъ, мой другъ! сердце мое такъ наболѣло, такъ привыкло къ спраданіямъ, что оно сдѣлалось уже неспособнымъ къ принятію радостей, маъ кажешся что цвѣты усаженные по лужи, по которымъ лился шокъ радо-

спей въ мое сердце, шеперь отъ сраданій завяли и вмѣсто пріятныхъ розъ цвѣтешъ колючій пернѣ, котораго испребить я не въ силахъ. А Лизѣ, божественной, несравненной Лизѣ, судьбою предоспавлено колючій пернѣ сей преврапитъ въ розу — скуку въ радость — слезы печали въ слезы воспора. Но гдѣ ты Лиза?

Ш.

V.

Совѣтъ другу.

Когда любовница измѣнила тебѣ, когда опдалась въ руки друга — мой другъ! не предавайся тоскѣ и опчаянію — нѣтъ! — пей и забудешъ измѣну невѣрной!

Когда друзья оставили, забыли тебя, когда облагодѣтельствованные тобою не узнаютъ тебя — не огорчайся, мой другъ, пей — и забудешъ людей неблагодарныхъ!

Когда люди презрѣли тобою, друзья оставили, когда на всякомъ шагу испыши-

ваешъ злобу, зависть, коварство — не опчаявайся, мой другъ! пей — и забудешъ подлыхъ пварей!

Когда шебя обманули, разорили, ограбили, расхишили имѣніе, очернили въ свѣтѣ — не горюй, мой другъ! пей — и забудешъ все на свѣтѣ!

Но по этому весь вѣкъ должно пить? . . . Нѣтъ, мой другъ —

Когда милая, нѣжная, любезная женщина, броситъ на шебя помной взглядъ, когда ты почувствуешъ біеніе сердца, когда сладкой воспоргъ разольетъ по жиламъ твоимъ, когда милая красавица отдастъ тебѣ руку, когда ввѣритъ тебѣ свой покой, свое щасіе, когда ты получишь надежду бышь нѣкогда опцомъ милаго семейства — тогда — тогда, мой другъ, разбей бутылку! Читай въ глазахъ женщины, читай въ ея сердцѣ — и всю жизнь, всѣ спаранія употреби на то, чтобы бышь достойнымъ ея любви!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

В е с н а.

Сіяюща въ лучахъ сребристыхъ
Угрюмая природы дочь,
Царица спранъ холодныхъ, льдистыхъ,
Уже отъ насъ сокрылась прочь.
И се спускаешся младая
Съ высотъ эфирныхъ къ намъ весна!
Одежда розова злая,
На ней спруишься какъ волна;
Небесно-голубые взоры
Ея, повсюду свѣтъ лѣющъ,
Краснѣй всходящія Авроры
Блещишь румянецъ сладкихъ уснъ.
Гдѣ ступишь — шамъ цвѣшны алѣющъ,
Гдѣ кинешь взоръ — шамъ шьма опрадъ,
Во слѣдъ ея зефиры вѣющъ,
Повсюду льется ароматъ.
Приходъ весны встрѣчая краснѣй
Пѣвцы пернашны лѣсовъ,
Поющъ въ честь гимны сладкогласны
И славятъ въ ней Творца — любовь.

Приемлющъ новой видѣ долины
 Тучнѣетъ хладная земля,
 Въ цвѣшущи благовонны крины
 Одѣлись холмы и поля.
 Куда, куда ни обращаюсь!
 Нещетныхъ Творческихъ красотъ.
 Въ разнообразіи перяюсь,
 Все къ пѣнію мой духъ влечотъ.
 Взглянулъ на небо голубое,
 На лѣсъ, на горы, на моря,
 Какъ всходитъ солнце золотое,
 Какъ гаснетъ шихая заря.

*

Се! зрю въ шуманѣ волиѣ спруисныхъ,
 Съ горы спремится водопадъ
 Порывы водъ его сребрисныхъ,
 Чарующъ мой и слухъ и взглядъ.
 Онъ въ яростномъ своемъ спремленьи
 Промчавшись съ шумомъ за берега,
 Черезъ камни мохомъ покровенны
 Течетъ на бархашны луга;
 Гдѣ разливаясь въ долахъ злчныхъ
 Едва спруи свои кашитъ,
 И какъ въ спеклѣ въ водахъ прозрачныхъ
 Предмѣшовъ разныхъ кажетъ видъ.

Тутъ лебедь бѣлизной своею,
 Гордась межъ проспникомъ плыветъ,
 Жемчужной бѣлою спруею
 Кишитъ за нимъ волна во слѣдѣ,
 Пужливы рыбы среброоки,
 При свѣтѣ солнечныхъ лучей,
 Оставя нѣдра водъ глубоки
 Гуляють на верьху зыбей.
 Древа одѣшья весною
 Желая видѣшь свой нарядъ,
 Надъ ясной шихою водою
 Вершины наклонивъ сшоятъ.
 Жестоки бури не дерзають
 Теперь на нихъ свирѣпо душъ,
 Лишь зефиры вокругъ нихъ играютъ
 И пшички на вѣшвахъ поютъ.
 Поля обильемъ жашвы полны
 Цереры взрощены рукой,
 Переливаются какъ волны
 Тумана, упромъ предъ зарей.
 Селяне ждуть съ восторгомъ часа,
 Когда за вѣрны ихъ шруды,
 Богиня жашвы свѣшловласа
 Велишь имъ собирашь плоды.
 Вездѣ дары весны сѣяють—

Въ поляхъ, въ садахъ, среди луговъ,
Вездѣ Богиню провождаютъ
Свобода, радость и любовь.

Но щещно разумъ мой дерзаетъ,
Нещетны красоты сочешъ,
Которы намъ низпосылаешъ
Творецъ всего что въ мѣрѣ есть.
Я только смѣю лишь дивиться,
Его дѣянiямъ благимъ,
Кѣмъ все цвѣшетъ, живошворится,
Тому дѣла его сушь — гимнъ.

Бу. Ки.

II.

О с е л ь.

Басня.

Среди какова-шо, однажды, гдѣ-шо поля,
На вѣшвахъ шополя владыка пшицъ сидѣлъ,
А близъ его — (своя вѣдь всякому есть доля!) —

Бродилъ межъ шиною оселъ.

Соскучилось Орлу сидѣшь, онъ вдругъ рас-
правилъ

Могучи крылія и къ солнцу воспарилъ.

Задумался оселъ, праву глошанъ осшавилъ

И самъ съ собой заговорилъ:

„Вотъ какъ Орелъ лешаетъ! —

Да мнѣ же что мѣшаетъ,

На чудо всѣмъ звѣрямъ,

Провзидишься по небесамъ?

Какъ! развѣ намъ Осламъ нѣтъ къ солнцу и
дороги?

На шои созданъ я, что бы споять здѣсь
пнѣмъ?

Не ужели и мы на небо не взмахнемъ?

Пустое! милосерды Боги

Унизашъ ли Осла передъ Орломъ когда?

Плечьми и тѣломъ всѣмъ нашъ брашъ его
поширѣ;

Ему ногъ дано двѣ, а у меня чешыре;

Предлинны уши, хвостъ, — — и мнѣбъ не
взлешь шуда,

Откуда гордо такъ изволишь онъ смошрѣшь?

Сей часъ же защицу честь нашего народа,

Сей часъ же вознесусь я первой изъ болоша.

Глядите всѣ! смотри, дивись обширной свѣшъ:

Оселъ лешитъ, паритъ въ воздушное селенье!,,

И нашъ Оселъ дабы исполнить намѣренье

Вспалъ разомъ на дыбы, напялилъ въ небо
глазъ,

И — прыгъ; куда же? Вверхъ? — Нѣтъ! прямо,
прямо въ грязь.

„Что за диковинка? Чегобѣ не доспавало
Къ лешанью мнѣ?—Все ешь, а внизѣ упалѣ.

Оселѣ вставая прорычалѣ.

„Бездѣлки: полько *кромѣ*. Синичка опшѣчала.

О вы! рожденные не взлазишь на Парнасѣ,
Поймешели расказѣ?

А. Бс.

III.

Надпись

Къ портрету Амура.

Кшобѣ ни былѣ пы! склонись передѣ младен-
цемѣ симѣ:

Онѣ былѣ владыка швой, илѣ ешь, илѣ
будешѣ имѣ.

А. Бс.

К ъ р о щ ѣ. (*)

О роща шихая, густая,
 Гдѣ солнца лучь не проицая,
 Прохладу сладкую раждалъ!
 Гдѣ часшо дни я провождалъ
 Съ Руссо, Бернардомъ, Дюпаши;
 О роща милая! . . . прости!
 Прости убѣжище драгое,
 Гдѣ всѣ часы мои шекли
 Въ сладчайшемъ для меня покоѣ!
 Какъ скоро шѣ часы прошли! . .
 Бышь можешъ ужъ не возвращающя
 Они для сердца моего.
 Ахъ лучшебъ вѣкъ не наслаждашься,
 Чѣмъ наслаждаешься для шого,
 Лишишься чшобъ пошомъ всего!
 О роща! не видашь миѣ болѣ
 Какъ будешъ ты освѣщена,
 Когда яншарная луна

(*) Сочинитель сихъ стиховъ, есть шомъ самой,
 кошорой писалъ *Оду человекѣ, Уединеніе и Стихи на сонѣ*
 помѣщенные въ 1, 2, и 4 Но сего Журнала.
 Издашель чувствительно благодарилъ любезнаго
 повша за участіе, кошорое онъ беретъ въ изданіи.

Покажется въ эеирномъ полѣ,
 И тихій' свѣтъ свой разлія,
 Тобою спанетъ любовашься —
 Тогда въ чужой странѣ ужъ я
 Далеко буду отъ тебя;
 И лиры томный звонъ моей
 Не будетъ болѣ раздавашься
 О роща! въ тишинѣ твоей:
 И съ вздохомъ горлицы мѣшашься,
 Которая въ любви своей
 Не рѣдко, какъ и я, спрадала,
 Когда съ любезнѣйшимъ дружкоймъ
 Минуту вмѣстѣ не бывала.
 И ахъ! ужъ не услышу я,
 Когда надъ чистымъ ручейкомъ
 Польюшья прели соловья!...

И ты, о липа! сей мой вздохъ
 Прими — онъ можешъ быть послѣдній...
 Пускай пушишья сѣрый мохъ,
 На коемъ я, въ часы вечерни,
 Подъ сѣнію твоей лежалъ
 И тѣ цвѣточки разбиралъ,
 Чшо милой въ даръ готовилъ я.
 Ахъ, естля ты ее когда
 Увидишь только близъ себя:

Зови подѣ шѣнь свою всегда.
 Роспи, гуспись, зеленѣй,
 Для Сашиньки одной моей —
 А я на вѣки сохраню,
 Любовь и вѣрность къ ней мою!

* * * * *

V.

С у д ѣ б ѣ.

Жели вѣчно суждено
 Миѣ бышь игрушкою судьбы?
 И нѣжно чувство миѣ дано,
 И побѣ имѣ снискашь себѣ бѣды!
 *
 Какъ вмѣсто чшобы ушѣшенье
 Должна кошорое рождашь,
 Одно лишь шолько огорченье
 Я буду въ сердцѣ семѣ пишашь?
 *
 Когда жестокая велѣла,
 И побѣ Хлои красосу я зрѣлѣ,
 Почто шогдажѣ не захошѣла
 И побѣ я какъ камень охладѣлѣ?
 *
 Ахъ нѣшѣ, просши, я заблуждаюсь
 Напрасно въ шомѣ шебя виню
 Однимѣ симѣ щасъемѣ наслаждаюсь
 И побѣ видѣшь шу, кого люблю.

Часъ II.

7

Кто съ красою добродѣшель
 Умѣетъ вмѣстѣ сѣдинить,
 Разсудка кто всегда владѣтель
 Возможно ли того не чинить?

Ты Хлоя все въ себѣ вмѣщаешь
 Величїемъ души своей,
 Ты всѣхъ подъ солнцемъ превышаешь
 Ты украшенье нашихъ дней.

Отъ сердца полного почтенье
 Доспойну дань я приношу,
 Къ твоимъ добротамъ уваженье
 Посмершь въ душѣ своей ношу.

Законы чести сохраняя,
 Что можешь жесточе быть,
 Какъ Хлою нѣжну обожая
 Спашься спашь къ ней испребишь?

Пусть сердце въ непель обратишь,
 И вихорь прахъ его умчишь
 Сегожъ во вѣки не случишь,
 Чтобъ могъ твоимъ злодѣемъ быть.

Живи для щастїя супруга
 Подъ сѣнью вѣчныя весны;
 Достойнаго въ немъ зришь ты друга
 Вкушай съ нимъ благо пишины.

Тебяжъ судьба я умоляю
 Прерви моей пы жизни нить —
 Въ одной гробницѣ ожидаю
 Покой душъ своей найпишь.

На камнѣ надпись пусть покажешъ
 Чшо жилъ я въ свѣшъ для друзей,
 Тогда прохожій можешъ скажешъ:
 Щаспливѣ избѣгнувѣ жизни сей.

 VI.

Эпиграммы.

1.

Чѣмъ не владѣешъ нашъ Криспинъ
 Надъ всѣмъ онъ полной господинъ —
 Лишь обща у него одна
 Любезная жена.

А. Бс.

2.

Клишъ хулишъ всѣ спихи, свои же выхваляешъ,
 Какъ злобно свѣшу Клишъ ошмщаешъ!

3.

Судьба вершишъ людей дѣлами —
 Иной прославился спихами,
 Иной лишь ворожа бобами,
 А Фирсѣ — извѣстнѣ спалъ рогами!

VII.

Руская Пѣсня.

Не бушуйше вѣпры буйные,
 Переспаньше вышь осеніе!
 Не къ тому ли вы бушуете,
 Чшобы споны заглушишь мои?
 Ахъ, скорбѣй, скорбѣй ушихнише!
 И безъ васъ она не слышишь ихъ
 Теремъ милой далеко споишь,
 За горами за высокими,
 За лѣсами непроходными...
 Лучше грамошку снесите къ ней,
 Я слезами напишу её,
 Я скажу ей вѣ этой грамошкѣ:
 Вянешъ правушка безъ солнышка
 Сохнешъ сердце безъ любезныя,
 Съ ней вѣ разлукѣ нѣтъ ошрады
 Вся ошрада горьки слезы лишь. —
 Полешите вѣпры буйные,
 Вы ошдайте милой грамошку;
 Ештли милая вздохнешъ тогда
 Принесите мнѣ вы вздохъ ея — —
 Но вы все еще бушуете,
 Вы не слышите нещаснаго,
 Вы не внемлете мольбѣ моей!

Такъ усишься въпры буйные,
 Вы умножьше бурю грозную,
 Ускорише смерть несчастнаго
 И развѣйте послѣ прахъ его!

М. Ост... вѣ.

VIII.

П р о с т и .

(Подраж. Франц.)

Прости мой Ангелъ нѣжной,
 Единственней мой другъ! —
 Увы! насъ вѣчно слезной
 Рокъ разлучаешь *одругъ!*

*

Ошпоргнуша... вѣ спраданьи,
 Я буду — шосковашь;
 Тебяжъ мои сшенаньи
 Не будушь досстигашь!...

*

Не плачь моей Ангелъ милой
 Не долго мнѣ шужишь!
 Все кончишся могилой...
 А безъ себя... какъ жишь?..

Катерина М.... са.

Мадригаль.

Амуръ! ты въ жизни сей блаженство произ-
водишь,
И ты же къ смерти насъ чрезъ бѣдствія
приводишь!
Такъ чтожъ такое ты? — Ты демонъ или
Богъ?
Увы! сего рѣшишь никто еще не могъ!
О...

ИЗВѢСТІЯ и СМѢСЬ.

Спрасть ко всему, что только напоминаетъ Оссіана, сего славнаго Барда претяго вѣка, теперь господствуетъ въ Германіи. Много разъ уже поэмы его переведены, теперь сдѣланъ новой прекрасной переводъ на Нѣмецкой языкъ. Кассельской художникъ Г. Руль прудился надъ изданіемъ картинъ представляющихъ лучшія мѣста Оссіановыхъ поэмъ. Въ картинахъ сихъ Фингалъ и прочіе Герои одѣты въ древнее Римское платье, какъ и предполагать должно, что такое носили во время Оссіана. Изданіе сіе будетъ состоять изъ трехъ тетрадей съ примѣчаніями одного Анпикварія, извѣстнаго познаніями своими въ исторіи и древностяхъ сѣверныхъ народовъ среднихъ вѣковъ. Руль, какъ истинный почишатель красотъ Оссіана объявляетъ въ Нѣмецкихъ Журналахъ, что онъ очень будетъ благодаренъ тому, кто покажетъ ему поэму равную Оссіану,

которая бы имѣла сполько величественныхъ картинъ, достойныхъ занять художника. — Такое приспращеніе къ Барду можешъ бышь покажешся спраннымъ; но кто чиналъ его хопя въ переводѣ, шопѣ согласился съ мнѣніемъ Кассельскаго художника, что нѣшъ ни на какомъ языкѣ поэмы равной Оссіану. Г. Коспровъ обогатилъ Россійскую Словесность переводомъ Оссіана, переводомъ сдѣлавшимъ его славу. Сшопѣ шолько прочешъ поэму Каршонъ, по моему мнѣнію совершеннѣйшую изъ всѣхъ Оссіановыхъ поэмъ, чшобы увѣрился въ шѣхъ неописанныхъ красотахъ, пылкомъ воображеніи и великомъ умѣ, коими одаренъ былъ Оссіанъ... Какъ истинные почшашатели швореній сего великаго Барда, желаемъ чшобы шрешпріашіе г. Руля шриведено было шкорѣе къ окончанію.

Въ Берлинѣ учредилось недавно общество, котораго цѣль ешъ шосылать всякой годѣ миссіонеровъ въ Африку,

наиболѣе въ часть обитаемую Неграми, дабы съ свѣпомъ Христіанской вѣры возродить въ сихъ спранахъ невѣжества, любовь къ наукамъ и художествамъ.

*

Между множествомъ достопримѣчательностей сообщенныхъ Парижскому національному институту г. Гумбольдомъ послѣ его путешествій, вошъ самое любопытное. Многія огнедышущія горы въ Индіи выбрасываютъ отъ времени до времени множество воды и что всего удивительнѣе, множество рыбы. Между прочими гора Имбабюрю однажды выбросила у города Ибарры столько рыбы, что отъ гнили ихъ произошла болѣзнь. Всего удивительнѣе то, что рыбы выбрасываемыя изъ огнедышущихъ горъ нисколько не повреждены, такъ что почти нельзя думать, чтобы онѣ были въ такомъ сильномъ огнѣ. Индѣйцы увѣряютъ, что рыбы сіи выбрасываются изъ горы иногда совершенно живые.

*

Въ Дрезденѣ любовь къ наукамъ часъ
отъ часу болѣе возрастаеиъ. Г. Арнольдъ
завелъ тамъ Липперальной кабинетъ,
въ которой за весьма малую цѣну, вся-
кой можеиъ имѣиъ входъ. Кромъ всѣхъ
книгъ вышедшихъ почти на всѣхъ Евро-
пейскихъ языкахъ, въ кабинетъ сей
выписывается около 120 Журналовъ
Англинскихъ, Французскихъ, Нѣмец-
кихъ и Италіянскихъ, Липперальныхъ
и полипическихъ. Въ семъ кабинетѣ
есть также всякіе инструменшы, музы-
кальные, математическіе, физическіе
и прочее. Для всякой часпи особенной
покой. Липперашоры, химики, мане-
машики, музыканшы, всѣ сидяиъ по
своимъ комнашамъ и занимаюиъ сво-
ими предмѣшми.

Архимадришъ Аншимосъ Газесъ по
возвращеніи своемъ изъ Греціи увѣряеиъ,
что въ Фесалии найдены недавно два
мраморные бюста Аришпотеля и Ана-
креона, спашуя Цереры, множесшво
колоннъ и проч. Нѣшъ никакого сомнѣнн,
чтобы бюсты сіи не были высѣчены во

емя жизни сихъ славныхъ мужей или
корѣ послѣ ихъ смерти. Рѣдкости сіи
ислуживаютъ большое вниманіе всѣхъ
обитателей древности.

•

Въ одномъ Французскомъ Журналѣ
помѣщена рецензія на *Письма Г-жи Ессе
къ Г-жѣ К...* Французскіе критики
хвалятъ справедливость простоты
стиля и занимательности сей книги.
Изъ числа многихъ анекдотовъ нахо-
дящихся въ ней, мы выпишемъ одинъ,
надѣясь что по странности приключе-
нія, онъ не будетъ прошивенъ чаша-
телями:

„Унасъ въ Парижѣ, пишетъ Г-жа
Ессе, случилось странное приключеніе,
которое надѣлало много шума. Недѣль
шесть тому назадъ лѣкарь Изессе полу-
чилъ записку, въ которой просили его
прийти въ шесть часовъ послѣ обѣда
въ Люксембургъ. Въ назначенной часъ
онъ приходитъ туда—человѣкъ беретъ
его за руку, ведетъ въ одинъ домъ и

впусця на лѣстницу, запи-
 шамъ. Изессе удивился п
 ступку, но вдругъ являешся
 и ведешъ его въ покои. Пер-
 напа, въ которую они вошли
 обипа бѣлымъ; распудреной
 бѣломъ кавпанъ и даже с
 кошелькомъ, подошелъ къ нем
 опиратъ вепошкою его баш-
 карь увѣрялъ его, что эпол
 напрасенъ и что онъ прѣхалъ
 но лакей не смотря на то дѣ-
 дѣло, говоря припомъ, что
 домъ наблюдается великая
 по сіе необходимо. Послѣ се-
 ни ввели его въ другую комна-
 бѣлую. Другой лакей одѣтый
 же плашь, чистилъ снова его
 Наконецъ привели лѣкаря въ
 совершенно бѣлую; обои,
 кресла, спулья, сполы, полъ и
 все было бѣлое. Человѣкъ
 калашъ, колпакъ и въ бѣлой
 дѣлъ у камина. Когда Изессе
 въ комнапу, бѣлой человѣкъ
 на него и сказавъ ему, что с

здоровъ, замолчалъ и болѣе получаса
 нималя пѣмъ, что поминутно сни-
 алъ и надѣвалъ шесть паръ бѣлыхъ
 ерчапокъ, лежавшихъ на столѣ возлѣ
 его. Изессе оробѣлъ, но ужасъ его
 величился, когда осматривая комнату
 видѣлъ онъ на стѣнѣ писполешы. На-
 онецъ спрашась сего молчанія, онъ
 просилъ у бѣлаго человѣка, что ему
 годно приказать, обьясняя припомъ,
 что онъ очень занятъ и ему нѣтъ вре-
 мяни—бѣлой человѣкъ отвѣчалъ на это
 довольно холодно: что тебѣ за дѣло,
 лишь бы тебѣ хорошо плашили? Еще
 четверть часа прошли въ молчаніи.
 Наконецъ онъ позвонилъ въ колокольчикъ.
 Два бѣлые лакея входятъ съ теплой
 водой, парелками и бандажами. Пус-
 ти мнѣ пять парелокъ крови, говоритъ
 бѣлой человѣкъ. Изессе удивясь такому
 количеству спросилъ, кто ему это при-
 совѣтовалъ? — Я, отвѣчалъ бѣлой при-
 зракъ. Изессе размышляя о такомъ ко-
 личествѣ рѣшилъ лучше пустить кровь
 изъ ноги предполагая въ себѣ менѣе
 опасности. Бѣлой человѣкъ снялъ пару

бѣлыхъ чулокъ, другую, претію и шагъ далѣе до шести паръ. — Изессе увидѣлъ бѣлую ножку и подумалъ, чѣобы эя женщина. Онъ пускаетъ кровь; и вшорой шарелкѣ больной падаетъ и обморокъ. Изессе хотѣлъ снять маскѣ съ него, чѣобы дать ему освѣжиться; но лакеи до сего недопускаютъ — между шѣмъ лѣкаръ завязалъ ногу и велѣлъ положить больного на постелю. Когда лакеи вышла изъ комнаты, лѣкаръ подошелъ къ камину и началъ выпирап свой ланцетъ, размышляя о чудном происшествіи съ нимъ случившемся. Вдругъ слышитъ онъ сзади шорохъ — смотритъ въ пріемо спящее на каминѣ и видитъ, что бѣлой человекъ идетъ къ нему на цыпочкахъ — лѣкаръ ужаснулся — бѣлой человекъ взялъ в каминѣ пять червонныхъ, и отдавая лѣкарю спросилъ доволенъ ли онъ? Доволенъ! отвѣчалъ дрожащій лѣкаръ — Ну пошелъ же вонъ! сказалъ бѣлой человекъ — лѣкаръ обрадовался такому приказанію и побѣжалъ изъ комнаты, бѣлые лакеи проводили его и смѣялись пошухоньку.

«Что это все значить? спросить Изессе. а вы вы недовольны, сударь! опивчались, вам не сделали никакого зла, заплатили хорошо, чего же больше? Изессе было никому об этом не рассказывать; но на завтра спрашивали его, каков показался ему блдой человек? — Изессе видя, что приключение не делалось гласным, рассказывает его сам. Это дошло до Короля и делало в город много шума — всякой делает свои догадки; но я думаю, что это молодые люди согласились поспрашивать лжкаря и позабавившись на его счет».,,

Один Автор читал свое сочинение в кругу приятелей. *Ах Бож мой, он сошел с ума!* сказал один остряк заливаясь слезами.

Д. и Б. были хорошие приятели до тех пор, покуда состояние их было равное. Наконец Д. был пожалован

въ большой чинѣ и какъ обыкновенно случается, такая переѣна заставила его забыть своихъ пріятелей и знакомыхъ и обходиться съ ними съ видомъ покровительства. Увидѣвъ однажды сѣраго своего пріятеля Б, онъ сказалъ ему съ презрѣніемъ: *здравствуй братецъ! Я слышалъ, отвѣчалъ Б., что ты и жалованья въ знатной гниѣ, но не слышалъ, чтобы ты пожалованья бѣгли моя братцолѣ.*

*

Кардиналъ Мазаринъ велѣлъ заключить въ Баспилю одного молодого человека, который говорилъ про него дурно. Когда вели его въ Баспилю вмѣстѣ съ другимъ несчастнымъ, увидѣли они тамъ собаку. За чѣмъ здѣсь эта собака спросилъ шоварищъ. *Она вѣрно не угодила собацѣ Кардинала Мазарина, отвѣчалъ молодой человекъ.*

*

Однажды въ Французской Академіи собирали съ членовъ на какое то бого-

годное дѣло по червонцу. Секретарь одилъ съ шарелкою, всѣ члены клали а нее деньги. Секретарь начавъ обхоипть съ Г. М... весьма скупаго челоѡка, ошибкою подошелъ опять къ нему. *И положилъ червонецъ!* закричалъ М. съ ердцемъ. Извините меня, ошвѣчалъ Секретарь, я право не видалъ! — *А я, казалъ Фоншенель, а я и видѣлъ, да не брю!*

Топъ же (самой М... издавалъ иногда сочиненія, копорыя писали ему за деньги. Увидя однажды Пирона онъ спросилъ у него: Чшо Г. Пиронъ! читали ли вы мою оду? — *А вы?* спросилъ Пиронъ.

Графъ Берхшольдъ напечаталъ одну филантропическую книгу *о способахъ предохраненія рода словѣтскаго отъ всѣхъ опасностей, коимъ подвержена жизнь людей* — онъ разослалъ книгу сію по всей Европѣ и какъ цѣль его состоипшъ

шолько вѣ шомѣ, чшобы она была вѣ
рукахъ всякаго; шо онѣ объявилѣ вѣ
Нѣмецкихъ Журналахъ, чшо онѣ при-
глашаетѣ всѣхъ плутовѣ перепечатывать
его книгу, сколько угодно.

Французскіе Журналисты жалуются,
чшо мало выходитѣ хорошихъ пѣсѣ.
Новость заступила мѣсто Гения на сценѣ,
говорящѣ они. *Театральные сочинители*
(разумѣется Французскіе) *не умѣя за-*
нять публики своими комедіями, выду-
мываютъ новыя декораціи. Такѣ напри-
мѣрѣ вѣ игранный вѣ прошедшемѣ Мартѣ
вѣ Парижѣ оперѣ, подѣ названіемъ:
Интрига у окна, на сценѣ представленѣ
домѣ, вѣ окны котораго зрители ви-
дятѣ комнашы, уборы и все, чшо шамѣ
происходитѣ. Вѣ другой оперѣ подѣ
названіемъ *Корабль,* пеапрѣ представ-
ляетѣ внутренность корабля — опера
кончится абордажемѣ. Крикѣ машро-
совѣ, пальба и дымѣ заглушаютѣ и
изумляютѣ зрителей. Должно пожа-
лѣть о пошерѣ вкуса — иначе чшо мо-

жно подумашь о народѣ, кошорой послѣ прагедій Корнеля, Рассина и Вольтера, находившъ удовольствіе смощрѣшь пакія піэсы?

Въ иностранныхъ Журналахъ, а особливо Англинскихъ, прославляющъ иногда какъ чудо, самую малѣйшую добродѣшель. Безъ всякаго приспращія можно сказаць, что естли бы собираць извѣстія о всѣхъ рѣдкихъ примѣрахъ добродѣтели въ нашемъ Опеачествѣ случающихся, то можно бы было издавать особенный Журналъ. Ко всему шому, что уже было писано о семъ, мы расскажемъ еще два случая, въ истинности которыхъ увѣрена цѣлая Губернія. Въ О... во время голоднаго года, одинъ Священникъ очень небогачшой, содержалъ на своемъ иждивеніи нѣсколько бѣдныхъ и преспарѣлыхъ людей, которые безъ его помощи можешъ бышь подверглись бы люпой смерши. Однажды доброй Священникъ испраша всѣ бывшія у него деньги, не зналъ

чемъ прокормить сихъ несчастныхъ. Положеніе сихъ людей его болѣе прогало, нежели его собственное. Для сердца поставляющаго верховное щастіе въ благодѣяніи, стыгосно лишиться способовъ помогать несчастнымъ. Однажды ночью спускавшъ въ окно, Священникъ опшворяетъ — неизвѣстной человѣкъ отдаетъ ему письмо и уходитъ. Вообразите удивленіе Священника, когда онъ распечатавъ письмо увидѣлъ 2000 рублей при запискѣ, въ которой просили его употребить сію сумму въ пользу бѣдныхъ. Благодѣяніе сіе шѣмъ дороже должно цѣниться, что благошворитель скрылъ свое имя и по сію пору остається въ неизвѣстности.

Въ сей же голодной годѣ и въ той же Губерніи, одинъ бѣдной мѣщанинъ преданный всѣмъ ужасамъ голода, нашелъ мѣшокъ съ прѣмя-спами рублями серебра и объявилъ полиціи о своей находкѣ!

Вопъ примѣры великой добродѣтели и ежели въ Европѣ они рѣдки, то

пѣмъ утѣшительнѣе должны бытъ для
 ердецъ чувствительныхъ! Пусть Шап-
 ны, Леклерки и Массоны называютъ
 насъ невѣждами; но гдѣ сидитъ на пре-
 столѣ добродѣтель, гдѣ подданные
 стремятся къ ней—тамъ нѣтъ тьмы
 и свѣтъ истинный сияетъ!

Въ послѣдніе два мѣсяца сыграно
 на Пешербургскомъ театрѣ много но-
 выхъ пѣсѣ, большею частію переведен-
 ныхъ съ иностранныхъ языковъ. Между
 оригинальными можно замѣтить *Зеле-
 ной корсетъ*, комедію въ трехъ дѣйствіяхъ.
 Хотя интрига сей комедіи и
 не нова; но она обработана довольно
 хорошо—многія сцены весьма чувстви-
 тельны, на примѣръ: по мѣсто гдѣ
 бѣдная дѣвушка отдаетъ бѣдной жен-
 щинѣ послѣднее свое платье и остается
 въ одномъ корсетѣ. Характеръ Полко-
 вника внушаетъ почтеніе, характеры
 шрапирщицы и слуги также весьма
 натуральны. Жаль только, что Авторъ
 не наблюдъ единства мѣста, ибо два

первыя дѣйствія происходящѣ въ пракширѣ на дорогѣ, а претіе въ домѣ сестры Полковника за двенадцать верстѣ отъ пракшира. Г. Яковлевъ и Г-жа Семенова выражали многія мѣста съ большимъ искусствомъ.

*

Видѣли ли вы Невидимку? Вошъ обыкновенной вопросъ нынче; у насъ на все мода — Невидимка шеперь въ модѣ и кто скажетъ, что не видалъ этой оперы, о томъ будутъ имѣть дурное мнѣніе. При каждомъ представленіи сей волшебной оперы бываешъ множесство зрителей, кажется что она принята публикою лучше самой Русалки. Когда давали сію оперу въ первой разъ, то въ два часа по полудни уже множесство людей дожидались когда оштворяшъ театръ — ложи, кресла, партеръ, все было полно. Многіе не хваляшъ Невидимки — конечно сюжетъ сей оперы ничего не значилъ — въ ней все волшебное; но великолѣпныя декорации, балеты, платья, игра актеровъ,

особливо прекрасная музыка Г. Кавоса, правдывають спремленіе публики сморѣть Невидимку. Г. Самойловъ и Г-жа Герникова многія аріи пѣли очень хорошо. Г-жа Семенова хощя имѣеть слабой голосъ, но поетъ довольно пріятно. Г. Воробьевъ въ роль Личарды и Г. Пономаревъ въ роль Симбалды, играли съ обыкновеннымъ ихъ искусствомъ.

Юня 6 дня.

ЖУРНАЛЪ

РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

Іюль. 1805.

№ 7.

I.

Перстень.

Восточная повѣсть.

Ибрагимъ славной Персидской мудрець, по смерти своей завѣщаль все свое имѣніе Шаху, а перстень, которой онъ всегда носилъ на рукѣ, отдалъ имѣйшему челобку во всей Персидской Имперіи. Шахъ былъ сдѣланъ исполнителемъ сего завѣщанія. Такое назначеніе весьма запрудняло Шаха — онъ хотѣлъ исполнить въ точности волю мудреца и не зналъ, кому отдать перстень. Онъ давалъ преимущество одному умъ, а какъ и всѣ дураки любящъ

слышь умными, по отдавъ перстень по своему произволу, многіе бы могли симъ обидѣться.

Шахъ думалъ объ этомъ очень долго — всѣ съ неперпѣніемъ ожидали кому отданъ будетъ перстень — наконецъ Шахъ рѣшился созвать весь народъ и отдать перстень тому, кто рѣшитъ при загадки: *что всего полезнѣе на свѣтѣ, что всего пріятнѣе и что всего нужнѣе?*

Шахъ былъ очень доброй Государь. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ жизни своей, онъ старался только о благоденствіи своихъ подданныхъ. Полагая, что рѣшеніе сихъ вопросовъ будетъ сколько нибудь споспѣшествовать его благонамѣреннымъ трудамъ, онъ положилъ отдать перстень тому, кто разрѣшитъ эти вопросы, столь необходимые для щастія людей.

Въ назначенный день собралось на площади множество народа. Шахъ вышелъ на балконъ своего серая и сказалъ слѣдующее: „Друзья мои! (шахъ „Шахъ обыкновенно называлъ своихъ

„подданныхъ) Друзья мои! Премудрый Ибрагимъ по смерти своей оставилъ драгоценной персепень, копорой завѣщаль отдать умнѣйшему изъ васъ. Не желая самъ располагать симъ даромъ, чшобы вы не могли подозрѣвать меня въ приспрасптіи, созваль я васъ, дабы вы сами положили, кому отдать его. Я предлагаю три вопроса, кто рѣшитъ ихъ, тому будетъ отданъ персепень.„

Во первыхъ, продолжалъ Шахъ, скажите, *что всего полезнѣе на свѣтѣ?* Деньги! кричали скупые — Жить въ праздности! отвѣчали богатые — Ползать! сказали придворные съ низкимъ поклономъ. Шахъ не былъ доволенъ сими отвѣтами. *Всего полезнѣе трудится*, сказалъ доброй Браминъ. Шахъ взглянулъ съ презрѣніемъ на подлыхъ льстецовъ его окружавшихъ и поблагодарилъ Брамина.

Теперь скажите мнѣ, *что всего пріятнѣе на свѣтѣ?* спросилъ Шахъ. Тысячи голосовъ кричали: деньги, женщины, вино, шабакъ, науки, невѣже-

ство, и пр. и пр.—Угождашь Царю, сказали придворные. — *Дѣлатъ добро*, отвѣчалъ Браминъ.

Наконецъ скажите, *что всего нужно на свѣтѣ?* — На сей вопросъ отвѣщывали столь различны, что о нихъ нечего и говорить. Шахъ обратился къ доброму Брамину. *Истинна*, отвѣчалъ онъ. — Шахъ въ восторгѣ вручилъ Брамину перспень, попомъ часто бесѣдовалъ съ нимъ, совѣщовался о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, и наконецъ сдѣлалъ его первымъ своимъ Визиремъ.

Въ царствованіе такого Шаха и при такомъ Визирѣ, Персія была счастлива и наслаждалась пишиною. И теперъ еще попомки благословяющъ память добраго Брамина!

Камоенсъ, творецъ Лузіяды.

(Изъ: Taschenbuch der Reisen.)

Людвигъ Камоенсъ произошелъ отъ древней благородной фамилии и родился въ Лиссабонѣ въ 1517, или какъ другіе полагаюшъ, въ 1524 году. Отецъ его былъ морской Капитанъ и умеръ въ Индіи въ Гоб. (1556). Обучась наукамъ въ славномъ Коимбрскомъ Университетѣ пріѣхалъ онъ въ Лиссабонъ. Здѣсь посвятилъ себя *Камоенсъ* стихотворству; будучи можетъ быть движимъ любовью къ прекрасному полу, которая довела его до того, что онъ былъ солданъ въ Саншару, за 14 миль отъ столицы. Дѣятельный духъ его не могъ оставаться въ покоѣ. Онъ вступилъ волонтеромъ въ военную службу и отправился въ Ценшу, что въ Африкѣ; но въ одномъ изъ морскихъ сраженій лишился лѣваго глаза. Съ возвращеніемъ *Камоенса* въ Лиссабонъ возвратилась къ нему и его спрасъ

къ стихотворству и любви; но избѣгая новыхъ напастей отплылъ онъ въ 1553 году на востокъ.

Безпокойства, а еще болѣе огорченіе отъ несправедливаго съ нимъ поступка, поселили въ немъ мысль бѣжать на всегда своего опечесства. *Неблагодарное!* — вскричалъ онъ ему подобно Сципіону Африканскому — *ты nebudeшь обладать даже и прахомъ моимъ!* сказавъ сіе отправился онъ подъ начальствомъ великаго *Кабрала* въ восточную Индію. Если бы *Камоенсъ* находился не на Адмиральскомъ кораблѣ, то бы превосходнѣйшая Ирида Португалии не существовала; изъ четырехъ кораблей сей флотъ составлявшихъ, три погибли во время бури. Едва вышелъ онъ (1553) на берега Гою, то и устремился къ новымъ военнымъ подвигамъ въ Кожинъ, подъ предводительствомъ храбраго *Альфонса де Норонга*. Сей щастливый походъ воспѣлъ самъ *Камоенсъ* въ первой своей Элегіи. Радость его при возвращеніи въ Гою была сильно умалена извѣстіемъ

смерти его отца, и вмѣстѣ съ нимъ его благодѣтеля *Антонія де Моронги*. Онъ оплакалъ обоихъ въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ своихъ стихотвореній и вскорѣ послѣ того предпринялъ новый походъ на флотъ, посланномъ Вицeroемъ Гою *Маскаренимъ* противъ Арабовъ въ красное море. Сей также увѣковѣченъ его бессмертною музою при перезимованьи въ *Ормуцъ*. Злоупотребленіе паланпа навлекло ему при возвращеніи въ Гою новое несчастіе; но чрезъ это выиграло помѣстство. *Маскаренимъ* умеръ, а учрежденія новаго Вицeroя осмѣялъ *Камонсъ* самымъ колкимъ образомъ въ Сатирѣ, называемой: *Глупости въ Индіи*; (*Disparates in India*). Озлобленный *Баретто* выслалъ его въ Макао. На семь пупи потерпѣлъ онъ кораблекрушеніе; но спасся вмѣстѣ съ вѣрнымъ своимъ невольникомъ *Иваномъ*, и спасъ еще нѣчто важнѣйшее, а именно *Лузіяду*. Въ одной рукѣ держалъ онъ сіе швореніе, а другою разсѣкалъ волны и

доплыль до береговъ рѣки Майконги, въ королевствѣ Камбай.

Едва избавился опъ смерти, *Камоенсѣ* написалъ *Редондилло*, превосходное преложение 130 псалма.

Сіе кораблекрушеніе описано имъ послѣ того въ 10 пѣсни *Лузіады*.

Наконецъ прибыль онъ въ Макао и получилъ тамъ довольно хорошее мѣсто. Отсюда учинилъ новое путешествіе къ Молукскимъ островамъ Тидору и Тернашѣ и живописнымъ перомъ своимъ изобразилъ всѣ рѣдкости природы сей богатѣйшей страны Индіи, въ той же 10 пѣсни *Лузіады*. — Здѣсь-то ковчилъ онъ ее въ романическомъ уединеніи (*). Безъ сомнѣнія восхищали Поэша воспочное небо, красоты природы и великолѣпный видъ Океана. Такимъ образомъ создалъ онъ шу

(*) Между рисунками принадлежащими къ Кооковымъ путешествіямъ, находится видъ Камоенсоева жилища въ Макао.

Поэму, которая и по сію пору осталась неподражаемою.

Въ 10 пѣсняхъ воспѣвъ онъ всѣ отккрытія и завоеванія учиненныя *Васкою де Гама*. Имя *Os Lusíados* далъ онъ ей отъ *Лузитаніи*, древняго названія Португалліи, получившей оное отъ *Луза*, Короля древней Гишпаніи, бывшаго за 1490 лѣтъ до Р. Хр.

Человѣкъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ собственнымъ опытомъ позналъ всѣ опасности путешествія и войны, перенесъ всѣ превратности щастія, видѣлъ великія явленія природы и всѣ красоты земли и моря, едвали кажется могъ имѣть нужду въ той очаровательной силѣ воображенія, которою *Камоенсъ* одушевилъ свою поэму. Знапки Португальскаго языка удивляются въ оной богатству изобрѣшеній Эпизодовъ и вымысловъ, гармоническому спопосложенію и чистотѣ языка. Ученнѣйшіе Португальцы и Гишпанцы снабдя оную примѣча-

ніями, перевели на Гишпанській языкъ; при разѣ *Лузіяда* была переведена на Французской и однажды на Англійской; на Нѣмецкомъ оной еще нѣтъ, хотя Секендорфъ и отважился сдѣлать весьма похвальный опытъ (*).

Въ продолженіе сихъ пяти лѣтъ споль важныхъ для музъ, заступилъ *Константинъ Брагонцскій* мѣсто Индійскаго Губернатора *Баретта*, непріятеля Поэта. *Камоенсъ* возвратился въ Гою и похвальная ода сему Принцу сочиненная, доставила ему памъ уваженіе на короткое время. *Континно* сдѣлавшись Губернаторомъ, внялъ обвиненіямъ доносчиковъ. — *Камоенса* заключили; но остропой поэзи наполненная прозьба, доставила ему свободу.

Воспокъ не подавалъ ему надежды обрѣсти награду, которую онъ по своимъ шаланпамъ заслуживалъ. Любовь

(*) Мы имѣемъ довольно хорошій переводъ сего славнаго шворенія.

къ Опецеству, споль сильно вопіющая въ сердцѣ каждого, изгладила цзѣ памяти *Камонса* пошерпѣнныя въ ономѣ напасти.

Склонясь на прозѣбы знапнѣйшихъ мужей *Кабрала*, *Силвейра*, *де Вегн* и другихъ, къ возвращенію пупи его убѣждавшихъ, опсправился онѣ съ ними въ Софалу (1569) и опшолѣ въ Лиссабонѣ. Но и здѣсь преслѣдовало его нещастіе. Въ самое время его шуда прибыпня свирѣпспвовала памѣ моровая язва, что и помѣшало ему издашь *Лузіяду*, стоившую для него шридцати-лѣпнихъ шрудовѣ.

Наконецѣ получилѣ онѣ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1571 года позволеніе напечатать драгоцѣнное сіе швореніе — оно явилось въ слѣдующемѣ году. Вездѣ его чипали, вездѣ ему удивлялись. Справедливо ожидаѣ себѣ *Камонсѣ* достойнаго возмездія за посвященіе Королю Поэмы, основавшей славнѣйшій памяшникѣ цѣлаго народа. Но вмѣсто всѣхъ ожиданій получилѣ онѣ въ пансіонѣ по смерпъ *двадцать пять тале-*

ровѣ! (*) но и по сѣ условіемъ находится всегда за оный при дворѣ!

Сѣ симъ скуднымъ вспоможеніемъ впалъ *Калоемсѣ* въ гореспную нищету. Днемъ являлся онъ у двора; ввечеру посылалъ своего вѣрнаго невольника *Ивана*, раздѣлявшаго сѣ нимъ всѣ его бѣдствія, для испрашиванія обѣимъ милосныни.

Печаль потрясла наконецъ сего впрочемъ всегда швердаго человѣка; и увеличилась еще болѣе прискорбнымъ извѣстіемъ о смерти несправедливаго прошивъ его Короля *Себастіана*, убишаго въ Африкѣ на сраженіи прошивъ Мавровъ.

Калоемсѣ удалился совершенно отъ свѣта. Огорченія и бѣдность повергли его въ мучительную и продолжительную болѣзнь; въ такомъ-то положеніи упѣшаемъ надеждою будущаго, умеръ онъ на 55 мѣ году отъ рожденія. До шого неизвѣстенъ былъ сей великій человѣкъ своимъ современникамъ, что

(*) 15000 Ре; ш. е. 18 рубл. 75 коп.

даже не знали въ богадѣльнѣ ли, или въ какой нибудь скаредной хижинѣ кончилъ онѣ славную жизнь свою. Тѣло его однакожъ погребено было въ монастырской церквѣ; и чрезъ 6 лѣтъ послѣ того (1585) два знапныхъ Португальца посшавили ему по монументу. Подобно *Гомералѣ* и *Милтонамѣ* оспанется онѣ разипельнымъ примѣромъ для людей опличныхъ способностей и возвышенныхъ чувствѣй.

Питѣ о хлѣбѣ умолялъ людей,
Онижѣ ему — воздвигли мовзолей!

А. Бе.

С о н ъ (*).

Недавно приснилось мнѣ, что родъ человѣческій получилъ новое право, по силѣ коего всѣ тѣ, кому наскучила жизнь, могутъ уступать желающимъ продолженія оной. Для разсужденія о важности причинъ побуждающихъ всякаго къ сокращенію, или умноженію дней своихъ, учрежденъ былъ верховный судъ. Я находился въ одномъ изъ его засѣданій. Толпящихся съ прозьбами было безчисленное множество, и я не знаю, съ которой стороны было больше.

Сперва примѣнилъ я промышленника просящаго увольнить его отъ бремени жизни. Онъ былъ приспойно одѣтъ, свѣжъ, красенъ въ лицѣ, толстъ, но очень печаленъ. Рассказалъ судьямъ, что вступилъ на путь жизни съ надеждами очень скромными; служа въ щетной ничего больше не желалъ, кромѣ платы, которою можно бы

(*) Сія статья прислана отъ Г. А...

прожить безъ нужды. Но прибрѣвъ до-
вѣренность своего хозяина, былъ при-
нятъ въ половинную долю, и въ скоромъ
времени собралъ большое имѣніе, заку-
пилъ лучшіе дома въ городѣ, и пре-
красныя мызы. — Никшо, богатѣе его
неимѣлъ экипажей, лучше одѣпыхъ
слугъ, и большаго числа друзей *при
дворѣ*. Женидъбою еще приумножилъ
свой доходъ. Когда родился первой
сынъ, то ему хотѣлось для него здѣ-
лать особое имѣніе. Успѣхъ увѣнчалъ
надежды его, а безпрестанныя удачи
казалось обезпечили благополучіе всего
его потомства. Онъ воображалъ уже
себя родоначальникомъ, коего почтен-
ный образъ будетъ украшать ком-
напы въ домахъ каждаго произшед-
шаго отъ него семейства, мечтавъ та-
кимъ образомъ, онъ усугубилъ свои
силы для умноженія богатства. Съ-
дина волосовъ напоминала ему что на-
добно поропнися. Два стараніе
сына владѣли уже собственнымъ имѣ-
ніемъ, нужно было еще здѣлать
состояніе младшихъ сыновей. При-

выкши всегда выигрывать что ни вздумаетъ, положился съ лишкомъ на щасіе. Здѣлалъ нарочитые издержки, набралъ множество народныхъ бумагъ, закупилъ безмѣрное число поваровъ, вошелъ въ торгъ съ многими руководъцами. Но когда нечаянно переѣхалъ видѣ дѣлѣ въ Европѣ, то онъ не могъ найти купцовъ на свои повары, и кладовые остались неначаты. По сближеніи назначенныхъ сроковъ, не видѣлъ себя въ состояніи заплашить, бумагамъ цѣна очень унизилась, однако надобно было устоять въ обязательствахъ, а чрезъ то исчезли золотыя горы, родившіеся въ его воображеніи.

Не смотря на такіе убытки, еще оставалось у него нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Казалось бы, этого довольно для человѣка разжившагося изъ приказчика. Но онъ не могъ перенести той мысли, что надежда его оставитъ по себѣ нѣскольکو благородныхъ семействъ, останется тщетною. Жизнь не имѣла уже для него ничего прелестнаго; столъ, сады, экипажи

е были ему пріятны. Прекрасные, дѣти не были ему утѣшеніемъ; но припомъ чемъ больше имѣли хорошихъ свойствъ, тѣмъ больше сокрушался онъ, что не могъ оставить имъ богатыхъ домовъ и большаго наслѣдства. Онъ желалъ самой скорой смерти и спрашивалъ, кто бы хотѣлъ взять отъ него 10 лѣтъ жизни.

Я прошу, опозвался дрожащій голосъ изъ толпы; отдаю вамъ за нихъ половину моего имѣнія и въ добавокъ бочку мадеры. Женѣ моей теперь только 16 лѣтъ, а мнѣ исполнилось 79 и такъ хотѣлось бы еще имѣть время для воспитанія дѣтей моихъ. Вдругъ раздался хохотъ во всемъ собраніи. Маленькое созданіе, бывшее некогда человекомъ продирается чрезъ толпу. Молодая женщина пособляла ему.

Послѣ подошелъ молодой человекъ съ такимъ печальнымъ видомъ, что могъ бы служить картинкою, для чувствительнаго романа. Онъ недавно по-

клялся въ вѣрности женщинѣ ангельской красоты; у него похишила ее нагая смерть. Не могли болѣе сносить жизни, пришелъ онъ просить позволенія освободиться отъ нее. Судьи казались чувствительными къ его несчастію. Предсѣдатель велѣлъ ему прогуляться въ роцѣ, подумать, и возвратиться. Черезъ минушу попомъ вбѣгаетъ молодая дѣвушка, съ распрепанными волосами, и проситъ съ жалкимъ воплемъ, чѣмъ ей позволили умереть. Она была такъ преледна, какъ Венера, когда она оплакивала смерть Адониса. Послѣ поперя своего любезнаго, жизнь сдѣлалась ей несносною, она искала кому бы ее отдать. Судѣ, казалось, сжалился надъ ея печалью. — Поди въ роцу, сказалъ ей предсѣдатель, обойди вокругъ ее нѣсколько разъ и воропись.

Попомъ видѣлъ я толпу пришедшую съ подобными прозбами. Я примѣтилъ высохшихъ волокипѣ желающихъ смерти, и богатыхъ вдовѣ

просящихъ о продолженіи вѣка. Проходило уже не мало времени, но ни опчаянный молодѣй челоуѣкъ, ни просившая о смерти дѣвушка не возвращались изъ роуци. Думали, что они лишили себя жизни не дожидая позволенія отъ суда. Посланные туда, увидѣли ихъ сидящихъ вмѣстѣ у берегу журчащаго ручейка подъ тѣнію мирта. Они встрѣтились между собою случайно. Дѣвушкѣ показалось, что она увидѣла въ молодомъ челоуѣкѣ оплакиваемого любовника. Испугавшись отъ такого нечаяннаго явленія, упала въ обморокъ. Молодой челоуѣкъ подбѣжалъ къ ней на помощь, и онъ также думалъ, что нашелъ въ ней подобіе той, безъ которой не хотѣлъ жить. Оба пришли просить судей о перемѣнѣ перваго ихъ намѣренія и соединеніи судьбы ихъ неразрывнымъ союзомъ. Судъ согласился.

Потомъ явился предъ судъ молодой шалунъ, столь прекрасной, видной, живой и ловкой, что глядя на него кажешся можно бы удариться

объ закладъ, что будетъ проситъ о продолженіи жизни. Вбѣжалъ въ судейскую подпригивая и напѣвая на вую пѣсенку, въ рукахъ держалъ маленькое зеркало, въ которое иногда по смаприваясь поправлялъ себѣ напушенной хохолъ — самое лучшее украшеніе своей головы. На пальцѣ имѣлъ дорогой алмазъ, и сверкалъ имъ какъ б нехотя въ разныя спороны. Съ годымъ видомъ бросилъ свою челобитну на столъ и сказалъ, что, еспьли бы въ изъ уваженія къ модѣ, то никогда б небезпокоилъ лично собою приказныхъ бородочей, и что одинъ писполешно выстрѣлъ сдѣлалъ бы для него шаку милость.

Я любопытствовалъ, что могло побудить сего молодого челоѡка здѣлать такой послѣдній шагъ. Узналъ что онъ сынъ недавно умершаго богача отданъ будучи для изученія законовъ выпросилъ у своихъ опекуновъ свободу распоряжать своимъ имѣніемъ и началъ мопать. Здѣлалъ многія знакомства давалъ богатые ужины, и ежедневно

пилъ. Приспирасился къ дорогимъ вещамъ, коихъ у него было множество; наконецъ такъ усердно трудился, о избавленіи себя отъ золота, что скоро увидѣлъ сундукъ свой пустымъ. Тогда заѣхалъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ, простился съ ними, заперся въ кабинетъ своемъ и думалъ кончить жизнь писпощомъ. Но вспомнилъ о послѣдней модѣ являться предъ судъ, гдѣ онъ увидѣвъ можешъ вдругъ большое собраніе, рѣшился объявить шамъ свое намѣреніе.

Судъ дѣлалъ проволочку, а *холодной щоголь* сердился. И такъ записали его въ число покойниковъ.

Послѣ пришли драматическіе сочинители, жаловались на испорченность вкуса, потому что не приняли ихъ сочиненій, которыя они начали читать сами — судья задремала, а я пробудился.

В. А...

IV.

Вопросъ,

(Отрывокъ изъ)

Я сидѣлъ у окна. Пышная колесница пробѣжала мимо — бѣдной, израненной воинъ снялъ свою проспрѣленную шляпу и протянулъ дрожащую руку къ колесницѣ ожидая помощи — она проскакала мимо и сполѣ пыли зашмилъ веперана. И такъ — сказалъ я, вопѣ люди по видимому равные — одинъ въ блестящей одеждѣ, другой въ рубищѣ. Израненной, преспарелый сынъ Опечества, пролившій за него, кровь свою, не щадившій жизни своей для его защиты, въ дряхлости оставленъ безъ призора, преданъ всѣмъ ужасамъ нищеты — другой но сильной шрескъ прервалъ мой размышленія. Лошади мчали колесницу, неосторожной юноша пренебрегъ ими — колесница разсыпалась и Герой палъ —

Смертные! рѣшите теперъ кто изъ нихъ щасливѣе?

Синонимы.

Щастіе, благополугіе, блаженство.

Щастіемъ называется то, когда человекъ всегда почти получаетъ желаемое, когда не встрѣчается съ нимъ ничего непріятнаго, когда онъ всѣ дѣла свои, хотя бы онѣ сопряжены были съ величайшими затрудненіями, оканчиваетъ наилучшимъ успѣхомъ — словомъ: щастіе есть ничто иное, какъ удача во всѣхъ дѣлахъ.

Благополугіе на противъ того есть постоянное состояніе, въ которомъ человекъ наслаждается всѣми пріятностями жизни, когда онъ хотя и имѣетъ нѣкоторыя неудачи; но вообще доволенъ своимъ состояніемъ.

Можно быть щасливымъ не будучи благополучнымъ; можно также найти благополучіе и безъ щастія.

Блаженствомъ называется высочайшая степень благополучія, которой только можетъ достигнуть человекъ и на которой онъ забываетъ все на

свѣтъ среди утѣхъ своихъ. Оно въ самомъ дѣлѣ не существуетъ и есть ничто иное какъ мечта, призракъ воображенія, разсѣиваемый легчайшимъ вѣтеркомъ.

Какое щастіе! говоритъ человѣкъ играющій въ банкъ убивъ сряду двѣ, или при каршы.

Небесное блаженство! восклицаетъ любовникъ обнявъ въ первой разѣ спрассную любовницу.

Какъ я благополученъ! говоритъ доброй гражданинъ возвращаясь домой послѣ шрудовъ, когда нѣжная супруга встрѣчаетъ его съ радостію и милыя дѣти прыгаютъ вокругъ него радуясь возвращенію своего отца.

.....#.....б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Развалины.

*

Пресполь нѣмова разрушеня ,
Жилище мершвой пишины !
Гдѣ среди мрака и исплѣнья
Текутъ свинцовы время дни ;
Гдѣ алчный зевъ его пространнѣй
Столпы повержены грызетъ :
И ржавую печать на камни ,
И горды мраморы кладетъ .

*

На башняхъ желтымъ мхомъ покрытыхъ
Въ окошкѣ щощій вранъ сидитъ ,
Надъ нимъ , на шпичахъ изогнутыхъ ,
Разбишой флюгеръ вѣтрѣ вершитъ ,
И скрипомъ шомнымъ наполняетъ

Сырой, глухоспешящій сводъ ;
 Сѣдой гдѣ филинъ лишь лешаетъ
 И пшица ноши гнѣзда въѣтъ.

*

Гдѣ шоки мушныя спруятся
 Покрышой плѣсенью воды ,
 Змѣи въ ращелинахъ гнѣзятся ,
 И ищутъ шьмы средь шемношы.
 Свѣшило дневно не дерзаетъ
 Распоргнутъ мглу навислыхъ стѣнъ :
 Тамъ съ страхомъ смерти обишаетъ
 Гробовой ноши чорна шѣнь.

*

Звѣрь дикій, изъ лѣсовъ дремучихъ ,
 Вкругъ ушлыхъ бродитъ пней ;
 Подъявъ главу въ шерняхъ колючихъ
 Блескъ кажетъ огненныхъ очей.
 Близъ каменныхъ оградъ поникшихъ
 Лежатъ ошашки его жертвъ ;
 Трупы и кости полузгнивши
 Красноголовый почитъ червь.

*

Вороша шяжкія , широки ,
 Съ желѣзныхъ крючьевъ сорваны ;
 Дубовы вереи высоки

Къ паденію наклонены.
 Не прійдетъ болѣ въ зной полдневной
 Подъ ними спранникъ отдохнушь :
 Онъ зрѣшъ развалинъ видѣ плачевной
 И съ скорбью продолжаетъ путь.

*

Тропинки всѣ правой покрышы ;
 Крапивой окна заросли ;
 Плющемъ колонны перевишы
 Лежатъ разбишы на земли. —
 О какъ ужасенъ часъ вечерній !
 Сей медлѣнноидущій часъ ;
 Въ шуманья здѣсь дни осени,
 Когда съ нимъ бурь несется гласъ !

•

Уже внимая гласъ сей грозный —
 Текущій со хребта холмовъ —
 Шумишь, клонясь, проспникъ болошный
 Во глубинѣ окружныхъ рвовъ.
 Древа возникши на чершюгахъ
 Роняющъ сучья и листы,
 Дрожатъ на крыльцахъ и порогахъ
 Качаясь желшыя кусты.

Въ разверзшы двери вѣтерѣ дуешь
 И воешь съ галками въ шрубѣ.
 Въ эфирѣ облако волнуешь
 Мча громы, молнии на себѣ.
 Развѣяшь вешю зданье грозисьъ,
 Тѣсѣ, черепицы съ кровли рвешьъ;
 Кирпичь, какъ легкій пухъ разносишьъ
 И въ щрещинахъ, ярясь, реवेशъ.

Въ дали шамѣ борѣ шрясясь синѣешьъ,
 Кашишься гулѣ его въ поляхъ:
 Кашишься — и едва ужъ млѣешьъ
 На ошдаленнѣйшихъ горахъ.
 Напрасно свѣшлый шарѣ, сребристый,
 Сшремимся выскользнуть изъ шучъ;
 Дождливы облака и мглишны
 Глашашъ каждой крошкѣй лучъ.

А здѣсь!... всѣ чувства цѣпенѣюшъ —
 То слынешъ кровь — шо вдругѣ кипишъ
 Глаза раскрышъся въ тѣмѣ не смѣюшъ
 Вездѣ, на всемъ могилы видѣ. —
 Не призракиль одни вишаюшъ
 Среди руинѣ шеперѣ въ глуши?
 Не вашиль тѣни здѣсь блуждаюшъ
 О челошчешва бичи!

Не выль дрожащими спопами,
 Скишаешься въ вечерній часъ,
 Звуча желѣзными цѣпями,
 Что шаршаръ возложилъ на васъ?
 Не вашиль пѣсни сокрушенны,
 Въ разноспенящихъ голосахъ,
 Мѣшаясь съ вистомъ бурь смященнымъ
 Наводяшъ шренешъ въ сихъ мѣсшахъ?

*

Ахъ, нѣтъ! — обидель здѣсь покоя;
 Ничтожность въ нагошъ своей. —
 Гдѣ слава мудреца? Героя?
 И всѣхъ дышавшихъ шумъ людей?
 Давно — давно они сокрылись,
 Какъ легки ушрени мечшы;
 И храмы въ прахъ преобразились
 А ихъ — погибли и слѣды.

*

О суеша! ширанъ душъ слабыхъ,
 Блаженства ложнаго предмѣшъ;
 Мучишель бѣдныхъ и богатыхъ
 Причина горестей и бѣдъ!
 Къ шебъ ошъ всѣхъ шекушъ рѣкою
 Несчешны приношенья въ даръ;
 Но зри: — се! шлѣбности рукою
 Попранъ, поверженъ швой олшаръ.

*

Упали зданья горделивы
 Тобой подвѣшны къ небесамъ ;
 Какъ волны падающъ игривы
 Взнесясь къ кремнистымъ берегамъ. —
 Сюда придите научаться
 О человеки! какъ сносить ;
 Гордецъ — чтобы не возвышались ;
 Несчастный — слезъ чтобы не лишъ.

*

Бѣды и щастіе не вѣчность :
 Предѣлъ имъ также положенъ ;
 Сразитъ ихъ время скоротечность ,
 Преобращитъ все въ прахъ и пѣнь.
 Проснитесь , существа надменны ;
Лишь шагъ — и вы поглощены ;
 Утѣшесь , горесшью пронзенны !
Лишь шагъ и вы . . . и всѣ равны !

А. Бе.

Пастушокъ.

Я пышность, знапность презираю,

Онѣ — ничто сушь для меня;

Но съ завистью всегда взираю,

Любезный Дафнисѣ на себя!

Твоею участью прельщаюсь

О милый, нѣжной пастушокѣ!

Твоимѣ блаженствомѣ восхищаюсь,

Ты царь: швой скипетрѣ — посошокѣ,

Твое владѣнье — средѣ лужочка,

Народѣ швой — нѣсколько овецѣ,

Престолѣ шевѣ — сѣдая кочка,

Хвала — отѣ дружескихѣ сердецѣ.

Но шы еще покоенѣ, воленѣ,

Не хочешѣ покорить весь свѣшѣ,

А Царь бываетѣ ли доволенѣ?... .

Послушай *на ушко*: нѣшѣ, нѣшѣ!

И. О...

III.

Эпиграмма.

Ей, ей!

Фирюлинъ хорошо рисуеѣтъ лошадей.
Ну чтожѣ? Вѣдь эѣтому никто и неѣдивиѣтся —
Онѣ часто вѣ зеркало гляѣдится!

О...

IV.

Живолисеѣцѣ.

(Подражаніе Геллерту).

Вѣ Аѣинахѣ, гѣѣ цѣвѣли художѣства,
наѣуки,
Искусный живописѣцѣ былѣ.
Дѣя денегѣ онѣ одиѣхѣ небралѣ и кисти вѣ
руки,
Дѣя славы работалѣ и жилѣ;
Дѣя славы дѣнь и ночь онѣ вѣ краскахѣ все
маралѣся,
Не зналѣ что ошдыхѣ и покой,
Писалѣ картины все, писалѣ и восхиѣщалѣся. —
Вѣ его пространныѣ масѣтерской
Сѣ уѣтра до вечера любилѣли полпилѣлись
И шакже знашѣоки межѣ ними находилѣлись.

Художникъ всякой гордъ бываетъ и
упрямъ.

Однажды написалъ онъ милую Психею,
Взглянулъ окончивши и въ шужь минушу
самъ

Плѣнился спрасшно ею

И чшобы силу всю узнашь ея заразъ,
Онъ выставилъ ее поушру на показъ.
Съ нешерпѣливостью гостей всё дожидался
Глядѣлъ на дверь, на холстѣ и гордо улыбался.
Но о нещасиѣ! о злополучный рокъ!
Поушру прежде всѣхъ пришелъ къ нему
знапокъ.

Хозяинъ въ радости потчасъ его подводитъ
Къ картинѣ, а шопъ въ ней погрѣшности
находишь.

Послушайте, ему онъ съ лаской говоритъ,
Мнѣ |кажется, что ей не такъ вы дали видъ;
Въ глазахъ нѣшъ живести, въ улыбкѣ чув-
ства нѣшу

И положеніе со всемъ не по предмѣшу.
Знашь поропились вы? — Художникъ сщаль
шушь въ пень

И спаль было ему онъ дблать возраженья,
Но шопъ ихъ опровергъ и ясно такъ какъ
день

Пороки доказалъ его изображенья. —
 Хозяинъ хошь не зналъ что больше говорить,
 Однакожъ въ миѣни все прежнемъ оспа-
 ваяся,
 И шакъ не смѣя рша въ смущеньи ошворить,
 Успавился на холстѣ, молчалъ и удивлялся.

Вдругъ съ шумомъ распворилась дверь
 И щеголь въ комнашѣ въ мгновеньи очу-
 шился.
 Какъ молнія, шакъ онъ къ каршинѣ устре-
 мился.
 „Ахъ! bravo, вошъ! вскричалъ, могу сказать
 шеперь

Что этому ужъ нѣшъ примѣра,
 Постой-ка дай въ лорнешъ. . . .
 Божественно! — со всемъ живая вѣдь Ве-
 нера!

За чемъ шушь Марса нѣшъ? —
 Однако же adieu, пора миѣ въ магазинъ,
 Къ поршному, въ лѣшній садъ, къ Лизешъ...
 Тѣфу къ чоршу! слово далъ еще своей Ку-
 зинѣ
 Съ ней вмѣстѣ. . . . „ — кончилъ онъ ужъ
 рѣчь свою въ карешъ.

Хоть живописецъ какъ самолюбивъ ни
былъ,

Но чрезвычайно успѣдился, /

Что вѣтренникъ его такъ много расхвалилъ.
Лишь только въ облакъ отъ нихъ онъ пыль-
номъ скрылся

И съ лошадьми изъ глазъ исчезъ,

Художникъ къ знапоку краснѣя обратился

И вотъ что произнесъ:

Простите вы меня, что спорилъ я напрасно;

Картина вся скверна, теперь я вижу ясно,, —

И за это одно,

Что похвалилъ глупецъ, ну драсть онъ по-
лошно.

•

Писатели! и вы примѣръ съ сего берите
рише

И сочиненія свои потчасъ дерите

Когда въ восшоргѣ отъ нихъ лишь придуть
дураки. —

◆ Когда вамъ скажутъ знапоки,

Ибо имъ не нравятся пѣсы ваши много,

То, можетъ быть, они еще и судятъ
строга.

Бѣды большой тутъ итъ.

•

Но ежели глупцы полюбятъ ихъ до страсти,
 Не выпускайте вы своихъ швореній въ
 свѣтъ, —
 Дерите ихъ скорѣй на часпи.

А. Измайловъ.

V.

Царь и Придворный.

Сказка.

Случилось одному Царю въ Египтѣ
 бытъ

И близъ стѣхъ пирамидъ ходитъ,
 Чшо чудомъ въ свѣтѣ почитаютъ.

Скажу я правду всю

И ничего не ушаю :

Царево зрѣніе пирамиды прельщаютъ

Придворныежъ такихъ случаевъ не теряютъ

И превосходно знаютъ,

Когда и какъ Царю польстятъ.

И пошому одинъ шакъ началъ говоритъ :

Великой Государь! зри камня блескъ шого,

Чшо съ верху прочіе собою прикрываешъ,

И кои сдѣланы лишь шолько для него.

Не вѣрноль, Государь, сіе изображаетъ

Народъ швой и себя?

Не шѣ ли межѣ шобой и имѣ сущь отно-
шенья?

Такѣ Царь льстецу на шо сказалѣ:

Мой другѣ, совсѣмѣ сѣ шобой прошивнаго я
мнѣнья,

И мыслишь никогда, какѣ шы, не буду я.

Я вижу истинну сего изображенья,

Которое весьма шы ложно понималѣ.

И пошому желаю,

Чшобѣ случай сей замѣшилѣ шы,

За шѣмѣ чшо важнымѣ я его весьма щитаю.

Тшѣ камень, чшо свой блескѣ бросаешѣ сѣ
высошы,

Разбилсябѣ вѣ прахѣ — часшей его не опы-
скали,

Когдабѣ минушу хшѣ одну.

Поддерживашѣ его другіе пересшали.

* * * * *

VI.

В о в а.

Сказка.

Въ какомъ-то городкѣ земли Магомешанской
Селимъ, супругъ *Фатимы* молодой:

Веревкой ли Сулшанской,

Приспѣвшеюль чредой;

Иль силою пилюль Турецкаго Санграда,

Какъ ни былобъ; но ко врашамъ ошшелъ
 онъ ада,

Чрезъ кои въ райскіе поля

Всѣ шешвовашъ должны. Прекрасная земля!

Не воды шамъ въ рѣкахъ, шербешы прошекающъ;

Не груши, *Гуріи* расшущъ на деревьяхъ (*);

Блаженны души развѣзжающъ

На *Алборагахъ* (**), не на лошадяхъ.

(Спросите *Муфтѣя*, *Факировъ* или *Имановъ*,
 Хошь *Дервишей* сѣдыхъ: они пожь ска-
 жушъ вамъ;

А не повѣришъ кто правдивымъ ихъ словамъ,

(*) Туркамъ обѣщаны *Магометомъ* въ раю шакіе де-
 рева, что плоды оныхъ будущъ превращашься
 въ прекрасныхъ дѣвицъ, *Гуріями* называемыхъ.

(**) По крайней мѣрѣ *Магометъ* на семь крылашомъ
 чудовищъ, въ очень короткое время, обвѣздилъ
 нѣсколько ярусовъ неба.

Того замучить сонмъ *Шайтановъ* (*).)
 Въ такую-то страну отправился *Селимъ*;
 Чего, казалось бы, женъ его перзаться
 И наполнять Гаремъ (**) сненаніемъ своимъ? —
 Ахъ! раемъ *Дервишей* не можно знать пль-
 няться,
 Оставшимся въ живыхъ супругамъ нѣж-
 нымъ? — Нѣтъ!
 Жалѣюшъ всѣ о томъ, кто въ томъ прекра-
 сной свѣтъ

Изъ здѣшняго убрался. —

Фатиминъ духъ отъ скорби волновался;
 „Увы! Селимъ! увы! несчастна вопіешъ:
 О милой мой супругъ, любезной!
 Нѣжнѣйшія любви предмѣтъ!

Селимъ! услышь мой вопль; увидь пошокъ
 сей слезной
 И къ жизни возвращись; — но пы мол-
 чишь — пы мертвъ —
 Гдѣ ножъ? . . . пусть и меня пожретъ злой
 смерти зѣвъ

(*) *Муфти* — глава Турецкаго духовенства. *Имамы* —
 духовные. *Дервиши* и *Факиръ* — пустынники.
Шайтаны — злые духи.

(**) Та часть дома, въ коей содержится, дострапч-
 ными Турками, ихъ жены.

(Тутъ спрятали ножи, всѣ сабли и кин-
жалы,
А шобъ) жестокіе! спаранья ваши
малы —

Напрасны, чшобъ меня ошъ смерти ошда-
лишь :

Хочу — и буду я съ *Селимомъ* вмѣстѣ жить.
Селимъ! Селимъ!,, — Прерви, любезная *Фа-
тима!*

Тутъ мать сказала ей: прерви свой горь-
кой стонъ

Хоть для меня; или я болѣ не любима
Фатимой моей? — Ушѣшься; швой уронъ
Великъ; но ты его оплакиваешь щещно:
Забудь — „Чшо слышу я? Забышь? —
Нѣшь вѣчно

Клянусь его не забывашь ;

Клянусь лишь слезы вѣкъ!,, — Умолкла мать. —

Селима ошвели ко предкамъ погребеннымъ
И такъ какъ былъ богатъ, шо мраморомъ
нешлѣннымъ

Покрыли шлѣнный прахъ. На немъ Арабъ
Питъ

За деньги написалъ: *Постойте проходящ!*

*Взродайте надъ костями подъ камнемъ
симъ лежащ!*

Заплата: здѣсь лежитъ

*Селимъ, проведшій жизнь въ дѣлахъ бого-
угодныхъ;*

Селимъ, гестнѣйшій изъ людей...

И прочая попомъ, какъ пишушъ на над-
гробныхъ

Усопшихъ богачей,

Въ щедрошахъ чшобы ихъ служили увѣ-
реньемъ. —

Межь шѣмъ прошло дней пяшь: вдова все
слезы льѣшъ,

Терзаетъ бѣлу грудь, власы прекрасны рвѣшъ,

А машъ, какъ машъ, опять къ *Фатимѣ* съ
ушѣшеньемъ:

„Послушай, дочь, прими мой машернѣй со-
вѣшъ —

Оставъ умершаго; слезами пы своими

Его не воскресишь; — займись живыми.

Послушай-ка мой свѣшъ,

Моя любезная *Фатима!*

Вошъ шолько лишь сей часъ одинъ Паша
прислалъ

Со прозьбою къ шебъ, чшо очень бы желалъ

Онъ мѣсто заспунишь покойнаго *Селима*.

Прекрасенъ, молодъ и богашъ — шакъ го-
воритъ

Весь городъ нашъ о немъ; зовуть его *Герцидъ*, —
 Да будешь проклятъ онъ! — — скорбе изсу-
 шись
 Архипелагъ; — скорбй Сшамбулъ весь разва-
 лился; —
 Скорбе имя я свое могу забыть,
 Чемъ тѣни согласусь супруга измѣнишь.
Герцидъ? Злодѣй! какъ онъ осмѣлился рѣ-
 шиться
 Помыслишь, что вдова *Селима* согласится
 Вспунишь съ нимъ негодяемъ въ бракъ? —
Фатима шумъ озлилась шакъ,
 Что мать принуждена молчать о сочешаньѣ. —
 Прошло еще дни при во вздохахъ и спе-
 наньѣ,
 Но только не въ шакихъ, какъ въ первой
 день. Пошомъ
 Къ исходу двухъ недѣль съ подругами шай-
 комъ
 Вдова чему нибудь смѣшному улыбнешся,
 Но шакъ, что чуть опяшь слезами не
 зальешся
 Пошомъ подъ вечерокъ зайдушъ и гости къ
 ней.
 Пошомъ, — какъ опказашъ въ прошеніи го-
 сшей? —

Фатима кѣ нимѣ. А памѣ шихохонько вѣ
молчанѣ

Подалѣ спряшали печально одѣяне ;

Вѣдѣ плакашѣ можно и вѣ цвѣшномѣ.

Чрезѣ мѣсяцѣ шомнымѣ голоскомѣ

Фатима пѣсенку запѣла.

Прошла еще недѣля

И ахѣ ! — — Архипелагѣ водою весь за-
лишѣ,

Стамбулѣ какѣ былѣ шаковѣ и естѣ — одинѣ

Герцидѣ,

Злодѣй *Герцидѣ*, прокляшой и негодной

Вѣ обѣятіяхѣ Фатимѣи непреклонной.....!

А. Бе.

КРИТИКА.

Письмо къ Издателю.

Прочипавъ, милоспивый государь мой, въ четвершой книжкѣ вашего Журнала приглашеніе учавшвовашь въ ономъ, вспунилъ и я, очерпя голову, въ число бумаго - марашелей.

Долго спрахъ удерживалъ меня что либо написать для публики; но разсмопрѣвъ внимашельнѣе, примѣшилъ что все то, что полько называется человѣкомъ — все пишеть; особливо же увидѣвъ на театрѣ комедію: *Новый Стернъ*, почувствовалъ въ себѣ силу львиную, хитрость змѣиную и безъ спрахъ пускаюсь на скольское поприще писашелей. Вамъ извѣстно, милоспивый государь мой, что множесство людей ученыхъ говорили и доказали, что театръ есть училище нравовъ; и что въ комедіи должно осмѣивашь пороки, а не порочнаго, и по сѣ крайнею оспорожностію. — Разсмопримъ же слегка, сохранилъ ли сочинитель новаго Стерна, сію

обязанность? — Онъ осмѣиваетъ *Сантимантальныхъ* путешественниковъ влюбившихся въ просшую природу, которые плачутъ о умершей собакѣ, хотятъ жениться на крестьянкѣ и иному подобное. Здѣсь я дѣлаю вопросъ сочинителю: какое зло находишь онъ въ томъ, что молодой человекъ удалясь въ деревню, или переѣзжая изъ одной деревни въ другую, восхищается природою въ искусственномъ ея видѣ? — Противникъ путешественниковъ вѣрно возразитъ слѣдующее: „должно слу-
 „жишь опечесству, а не шаскашься по
 „лѣсамъ и долинамъ; если же хочешь
 „путешествовать съ пользою, то по-
 „ѣзжай въ Парижъ и тамъ... — не спорю, сударь, чтобы человекъ умной съ-
 бѣдя въ Парижъ, не приобрѣлъ какихъ
 либо свѣденій; но скудоумный побу-
 вавши тамъ, совершенно обанкрюпитъ
 свою голову; къ несчастію мы имѣемъ
 множество такихъ примѣровъ! иной
 побывъ въ Парижъ двѣ, при недѣли,
 забралъ себѣ въ голову, что прогло-
 тилъ всю Французскую ученость и

полипику; а какъ посмотришь, такъ шаковъ же каковъ и до того былъ; такъ же плохъ, да лишь на Французской ладъ. —

Служить отечеству похвально и должно; но я думаю быть ему полезнымъ можно различнымъ образомъ: одинъ нещадитъ жизни своей защищая его, другой старается о внутреннемъ спокойствіи, третій усовершенствовываетъ словесность, четвертый путешествуя по оному, пріятною кистію, описываетъ предметы ему встрѣчающіеся, и шбмъ занимаетъ и научаетъ своихъ соотечественниковъ, и такъ далѣе. Не спору, что пылкой юноша по молодости, а иногда и потому, что еще въ колыбель былъ окруженъ Французами, наполняетъ свое сочиненіе большею половиною Французскихъ словъ; и если авторъ *Новаго Стерна* хотѣлъ исправить Руско-Французскій слогъ, то напрасно безпокоился; ибо гораздо прежде его нашъ почтенный защитникъ Рускаго языка такъ

спрого возсталъ прошивъ сего рода писателей, что очень трудно сказать, чтонибудь сильнѣе того, что онъ написалъ въ своихъ двухъ, а особливо въ послѣдней книгѣ. — Другой вопросъ: почему предосудительно горевать о потерѣ такого предмѣта, къ которому мы привыкли и копорой всегда былъ въ глазахъ нашихъ? По чему не шужишь о любимой собакѣ, кошкѣ, или какойнибудь ппичкѣ? — Чувствительность по сіе время, между всѣми здравомыслящими почипалась добродѣтелию; за чтожъ съ 31 Маія 1805 года (*) Г-нъ сочинитель Новаго Стерна, хочеть принудить насъ чувспвовать прошивное? Ежели бы, путешественникъ захотѣлъ пожертвовать человѣкомъ для того, чтобъ не лишиться своей *Леди*, (**), тогда бы онъ показался извергомъ въ глазахъ каждаго; но онъ только жалбеть о ней, и я шупъ ничего не на-

(*) День предсщавленія Новаго Стерна.

(**) Имя собачки.

хожу глупаго. — Впрочемъ всякой мысли по своему.

По чему предосудительно дворянину жениться на бѣдной, но доброй крестьянкѣ? Вотъ милосливый государь мой, что меня болѣе всего вооружило! — Кто унижаетъ права человѣчества, долженъ ствующія бытъ каждому священными, тотъ перваго унижаетъ себя. По моему мнѣнію, сдѣлавшись писателемъ непременно нужно опкинуть искусственный языкъ придворнаго и сколько возможно прилѣпиться ближе къ истинѣ; забыть о наградахъ приобретаемыхъ лестію, и смотрѣть на окружающіе насъ предметы одинаковымъ образомъ: злодѣя не называть добродѣтельнымъ, угнѣтенную добродѣтель не называть злодѣяніемъ. Неужели должно предполагать, что если бы *Графъ Пронской*, (*) женился на бѣдной крестьянкѣ, то глядя на него всѣ Графы и

(*) Прозваніе путешественника въ комедіи Новой Стерні.

Князья послѣдовали бы его примѣру? Быть не можетъ; но это была бы игра благодарственной природы, которая равно смотритъ, какъ на вельможу, такъ и на поселянина; которая Великаго ПЕТРА, истинно Великаго по душѣ и сердцу, сопрягла съ дочерью бѣднаго пастора. Монархъ не раскаявался въ своемъ выборѣ; — народъ благословлялъ въ Ней мать свою. И когда же предлагаетъ намъ авторъ сію плачевную картину, исполненную презрѣнія къ сельскимъ жителямъ? Тогда, какъ благодарить Россіянъ печется выполнить преднамѣренія мудрой своей предшественницы; печется здѣлать людей свободными, чувствуя что управлять рабами не лестно; когда повелитель Россовъ взываетъ ко всякому сословію: Сыны опеченства! сложите съ себя оковы невѣжества и стремитесь въ объятія просвѣщенія! — и тогда-то мы видимъ на театрѣ бѣдную сельскую невинность презираемую! — Человѣкъ за-

служиваетъ презрѣніе по худымъ ламъ своимъ, а не по сосоянію.

Вообще и рѣшительно можно зашь о піэсѣ, не входя въ подробно разсмопрѣніе, что еспьли бы выкие изъ нее *желтобокаго гижига* и *Капи исправника*, что нѣкопорымъ обра заспавило смѣяся публику — шо было бы что-шо безначальное и конечное.....

Впрочемъ видно расположеіе пора кѣ комическимъ произведеіи видно, что онъ умѣетъ шумить; шолько, что онъ не сохранилъ обязанности, копорой пребуешъ к дія; шо еспь, какъ я сказалъ въ чтобы осмѣивать порокъ, а не пнаго.

Вопъ мое мнѣніе! я не спавля закономъ и опъ всего сердца же. чтобы сочинитель Новаго Сперна и большеіе успѣхи въ своихъ сочніяхъ, и со временемъ написалбы хорошую комедію.

Проспите меня, милоспивый сударь мой, что я сужденіемъ мс

займу нѣсколько страницъ вашего Журнала, копорыя бы были наполнены чѣмъ нибудь лучшимъ — Впрочемъ, ежели позволите, то буду и впередъ прислать къ вамъ мои замѣчанія на нѣкопорыя играемыя на шахрѣ пѣсы, не смотря на лица ихъ сочинителей, что къ крайнему сожалѣнію — иногда у насъ водится. — (*)

Остаюсь съ истиннымъ моимъ почтениемъ

вашъ 2. — 9.

(*) Чувствительно благодарю Г-на неизвѣстнаго за сіе разсмотрѣніе и прошу впередъ учавствовать въ семъ изданіи.

Изд.

ИЗВѢСТІЯ и СМѢСЬ.

23 Іюня ознаменовалось новою щедрою АЛЕКСАНДРА. Въ сей день ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ положилъ основаніе новой великолѣпной биржи Народъ встрѣшилъ ИМПЕРАТОРА съ радостными восклицаніями и съ шокъ сердечною любовію, какъ дѣти встрѣчаютъ отца своего. По заложеніи биржи ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и всѣ Высочайшая фамилія удостоили пощипать Россійское купечество, которое угощало ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА обѣденнымъ столомъ. Въ сіе время пѣли Гимнъ сочиненный г. Пнинымъ съ музыкою на оный г. Давыдова. Мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ его въ нашемъ Журналѣ :

Г и м н ъ.

Ликуй Нева благословенна,
Щасливая изъ всѣхъ рѣка,
Зря АЛЕКСАНДРА вдохновенна
Великимъ Геніемъ ПЕТРА!

Топѣ градѣ изъ блаша вызываешѣ
 На чудо племенамѣ земнымѣ;
 Но АЛЕКСАНДРОМѣ процвѣщаешѣ
 Торговля вмѣстѣ съ градомѣ симѣ.

Блаженѣ народѣ Царемѣ любимыи,
 Блаженѣ и Царь народомѣ чтимыи:
 Да здравствуешѣ нашѣ АЛЕКСАНДРЪ!

Взирайте всѣ народы свѣша,
 Завидуйте во щастьи намѣ,
 Какѣ АЛЕКСАНДРЪ, ЕЛИСАВЕТА,
 Дающіе примѣръ Царямѣ,
 Кѣ блаженству общему стремятся:
 И силою щитающѣ царствѣ,
 Коль ихѣ народы просвѣщаются,
 Найдущѣ въ торговлѣ масть богатствѣ.

Блаженѣ народѣ Царемѣ любимыи,
 Блаженѣ и Царь народомѣ чтимыи:
 Да здравствуешѣ ЕЛИСАВЕТЪ!

Вносите, процвѣщай Россія!
 И въ роды преноси родовѣ,
 Какѣ благошворная МАРІА
 Приемля юношей въ покровѣ,
 Кѣ торговлѣ ихѣ предназначаешѣ;
 Велишѣ всему ихѣ обучаешѣ,
 Чшо щастье жизни сосшавляешѣ,
 Чшо можешѣ ихѣ обогащашѣ.

Блаженъ народъ Царемъ любимый,
 Блаженъ и Царь народомъ чтимый:
 Да здравствуетъ МАРИИ домъ!

А вы всѣ чуждые народы,
 Что бурныхъ не спрашась морей,
 Сокровищъ ищите Природы
 Далече отъ страны своей!
 Къ Петрову граду всѣ шекише,
 Гдѣ мудрый АЛЕКСАНДРЪ царилъ,
 И съ нами щасье раздѣлише,
 Что намъ сей доброй Царь шворилъ.

Блаженъ народъ Царемъ любимый,
 Блаженъ и Царь народомъ чтимый:
 Да здравствуетъ нашъ АЛЕКСАНДРЪ!

Въ Англинскихъ и Французскихъ Журналахъ пишутъ, что Беппи и по нынѣ еще восхищаетъ публику. Чпобы показать читателямъ, какъ Англичане любящъ награждать отличные таланты своего опечества, мы помѣщаемъ изъ иностраннаго Журнала слѣдующее извѣстіе: Дирекція театра Drury-Lane договорила Беппи играть все льшо на семъ театрѣ, платя ему по сту гвиней за каждое представленіе (около 900 рублей). Сверхъ сего положенъ ему бенефисъ, съ условіемъ, что естли Беппи не захочетъ взять онаго, то дирекція платитъ ему 1200 гвиней (болѣе 10,000 рублей).

Въ числѣ многихъ подарковъ сдѣланныхъ Беппи знатными Англичанами, одинъ Лордъ подарилъ ему золотые часы съ цепочкою и печашью, на которой вырѣзанъ бюстъ Шекспира. Какой подарокъ для молодого Трагика!

*

Въ печеніи одного года ш. е. съ
Юня 1803 по Юнь 1804 года, Англія

лишилась 24 лучшихъ липпераповъ и ученыхъ. Эта поперя должна бышь весьма чувствительна для Англии и всѣхъ друзей просвѣщенія.

Въ Magazin Encyclopedique помѣщена одна любопытная статья изъ Австрійскихъ липперапурныхъ вѣдомостей. Въ нихъ пишутъ что число студентовъ въ Вѣнскомъ Университетѣ гасъ отъ гасу уменьшается и что это истинное благо для Австрій!! Пожалѣемъ о слабости человѣческой, пожалѣемъ и о томъ, что свѣтъ просвѣщенія не можетъ равно сіять во всей Европѣ и когда Сѣверъ озаряется имъ, то на Югѣ старающа испребить оный совершенно.

Король Прусской назначилъ 20000 флориновъ тому, кто найдетъ способъ исцѣлять желтую лихорадку, или изобрѣшетъ предохранительное отъ оной средство.

Я положилъ за правило помѣщать въ Журналъ моему всѣ сочиненія писанныя на мой щепъ. Въ 4^й книжкѣ помѣщена прекрасная на мой щепъ Эпиграмма. На сихъ дняхъ получилъ я другую, кошорую бы конечно помѣстилъ въ Журналъ, естли бы не боялся оскорбить чашапелей площадною шушкою. Сожалю очень, что сія эпиграмма не шакъ удачна какъ первая — желаю Автору лучшаго успѣха въ семъ похвальномъ упражненіи и опъ всего сердца благодарю его за то, что онъ воспользовался приглашеніемъ сдѣланнымъ мною въ 1^й и 4^й книжкахъ сего Журнала.

*

Недавно случился здѣсь весьма забавной анекдотъ. Нѣкто услыша о смерти своего пріятели и не довѣря слухамъ написалъ къ нему слѣдующее: *Мой другъ! я слышалъ, что ты умеръ, пожалуй отпиши ко мнѣ правда ли это?*

Юля 8 дня.

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Августъ. 1805.

№ 8.

I.

Линдоръ и Лиза, или клятва.

Сказка.

Мой сынъ! сказалъ Дорсанъ умирающимъ голосомъ, мой сынъ! настало время, когда я долженъ съ тобою различиться. Ужасная вѣчность открывается предо мною — уже я слышу какъ алчная смерть отпворяетъ тяжкія врапа вѣчности, копорыя, увы! никогда уже не откроются для твоего отца! Прости, любезной Линдоръ и будь щастливѣе отца твоего. Я оставляю тебя въ нѣжныхъ лѣтахъ; но копя ты молодъ, мой сынъ, скажи могу ли я надѣяться на любовь твою? —

Часть II.

13

Исполнишь ли ты послѣднюю волю своего отца? — Бапюшка! сказалъ рыдающій Линдоръ, бросился къ ногамъ его и не могъ болѣе сказать ни слова. — И пакъ я могу положиться на тебя! сказалъ Дорсанъ, возьми эпортъ ящикъ — вотъ все мое имѣнiе, которое я тебѣ даю въ наслѣдство. Береги его Линдоръ и чрезъ три года открой его, прочти написанное тамъ и клянись исполнить въ точности мое приказанiе. — Бапюшка! . . . — Клянись! повпорилъ старикъ твердымъ голосомъ собравъ послѣднiя свои силы, клянись! естли хочешь имѣть мое послѣднее благословенiе! . . . — Линдоръ произнесъ клятву — Дорсанъ отдалъ ему ящикъ — благословилъ его и на рукахъ Линдора закрылъ глаза свои на вѣки.

Линдоръ остался одинъ на всей землѣ — одинъ, безъ друзей, безъ знакомыхъ. Онъ не видалъ свѣта, не зналъ его. Осьмнадцать лѣтъ жизни своей, онъ провелъ въ мрачномъ лѣсу, въ бѣдной хижинѣ, съ отцомъ своимъ. Во всѣ осьмнадцать лѣтъ не

бывалъ онъ далѣе маленькой деревушки лежащей въ окрестноспяхъ, куда они ѣздили два раза въ годъ и покупали необходимое для ихъ жизни. Отецъ Линдора жилъ въ мрачномъ уединеніи — Линдоръ часто просилъ его ѣхать въ городъ; но отецъ обнималъ его и заливался слезами — тяжкое бремя скорби лежало на его сердцѣ — Линдоръ спрашивалъ иногда о вѣчной его задумчивости, слезахъ, просилъ открыть ему скорби его и доставить сладкое удовольствіе раздѣлять ихъ; но онъ отвѣчалъ ему — ты еще молодъ мой сынъ — придетъ время и ты узнаешь пайну моего сердца. Узнаешь — и сердце твое обольется кровію. Тогда спросишь ты, за что небо изліяло столько горестей на спарца обремененнаго лѣтами — увидишь всю гнусность людей и но ты еще молодъ мой сынъ! Линдоръ бросался въ его объятія и старался успокоить отца, кошораго напомианія возмущали спокойствіе.

Въ такомъ уединеніи воіспивався Линдоръ. Ошець спарался поселить въ немъ ненависть къ роду человѣческому и видя его чувствительность, добродушіе, чистосердіе, часто опчаявался успѣть въ своемъ намѣреніи. Часто Дорсанъ просиживалъ цѣлыя ночи въ размышленіяхъ, когда Линдоръ, невинной Линдоръ, покоился уже въ объятіяхъ сладкаго сна. Видя его добродушіе, онъ часто въ изступленіи говаривалъ: судьба! жестокая судьба! ты отъемлешь у меня даже сладкую надежду мщенія!... Мщенія? Но кто будетъ его орудіемъ? Линдоръ! шакъ — Линдоръ! онъ опмститъ за опца, за мать и пронзитъ сердце злодѣя, виновника его бѣдствій.

Оставшись одинъ — Линдоръ не зналъ куда ему идти — весь свѣтъ былъ ему неизвѣстенъ — онъ хотѣлъ бы остаться въ хижинѣ; но воспоминанія опца, воспоминанія горесней его — заставили бѣжать его на вѣки сего страшнаго убѣжища.

Оплакавъ потерю единственнаго друга — Линдоръ пошелъ въ ближнюю деревню, гдѣ былъ нѣсколько онъ извѣстенъ и нанялся въ работники у одного крестьянина. Живя съ опцомъ Линдоръ привыкъ къ работѣ и ни мало не ропсалъ на судьбу свою — день прудился, а вечера посвящалъ на образование своего ума. У Линдора была только одна книга — онъ читалъ ее — прудился, грустилъ о потерѣ невозвратной и проводилъ такимъ образомъ дни свои. Далѣе онъ не простиралъ своихъ желаній — не питался надеждою и думалъ провести жизнь свою съ добродушными поселянами; но судьба уничтожила его намѣренія и изъ добродушнаго Линдора сдѣлала несчастнѣйшаго человѣка.

Однажды приѣзжаетъ въ деревню нѣсколько богатыхъ экипажей. Графъ Флориваль входитъ въ ту самую избу, гдѣ былъ Линдоръ. Невозможно описать съ какимъ любопытствомъ смотрѣлъ воспитанникъ природы на сію новую для него картину. Дикой Иро-

конецъ менѣе удивляется увидя въ пвой разъ *бѣлыхъ*, сколько удивился Лдоръ увидя людей въ богатыхъ плаяхъ, въ великолѣпныхъ экипажахъ, спорымъ множество людей смотрѣвъ глаза и искали только случая удишь.

Графъ Флориваль бѣжалъ изъ деревень своихъ въ столицу и расположился переночевать въ сей деревнѣ. Чаянно увидѣвъ онъ на окнѣ книгу взявъ ее и нашелъ творенія Русскаго Удивясь найти такую книгу въ крестьянской избѣ, онъ спрашиваетъ у хозяина, кто ее читаетъ? — Линдоръ отвѣчаетъ онъ, мой пріемышъ! Линдоръ покраснѣлъ — удивленъ Графъ тѣмъ внимательнѣе обратилъ на него взоръ свой. Осанка, лице, зеркало души, видъ благородной, хитрый подъ плащемъ бѣднаго крестьянина, вселили въ Графъ нѣкоторое любопытство. Онъ подошелъ къ Лдоръ, взявъ его за руку и спросилъ кто ты молодой человекъ? — Я Лдоръ! отвѣчалъ простодушной

ша. — Но сего не довольно! опѣ куда ты родомъ? — Я родился и жилъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ, далѣе я ничего не знаю — отецъ мой умеръ двѣ недѣли тому назадъ, не имѣя способовъ къ пропитанію себя, я нанялся въ работники у эшихъ добрыхъ людей. — Но кто былъ отецъ твой? — Не знаю; знаю только, что онъ былъ несчастливъ и по смерти своей оставилъ мнѣ въ наслѣдство однѣ горести. — Мой другъ, сказалъ Графъ прижавъ къ сердцу его руку — я принимаю въ тебѣ участіе — нѣтъ! ты нерожденъ жить въ низкой долѣ — я беру тебя къ себѣ — заступи мѣсто сына, котораго я лишился и если золото можешь сдѣлать тебя щастливымъ, то возьми его и будь щастливъ если можешь! — Линдоръ хотѣлъ упасъ къ ногамъ своего благодѣтеля — Сюда! сюда, мой другъ! сказалъ Графъ указывая на сердце — Линдоръ бросился въ его объятія Ахъ! какъ щастливъ тотъ, кто имѣетъ всѣ способы благотворить и опираетъ слезы несчастныхъ!

Графъ прїѣхалъ въ столицу — лодая Графиня встрѣтила его радостію — Лиза! сказалъ Груказывая на Линдора, я привезъ и этого молодого человѣка, онъ займѣтъ мѣсто сына моего — Лиза! л его какъ брата! — Невинная дѣву взглянула на Линдора, хотѣла ему лать привѣтствіе и не сказала ни ва. Невольной трепетъ разлился жиламъ ее — по щасію Графъ не мѣшилъ ея смущенія.

Съ сей минутой жизнь Линд перемѣнилась — Графъ полюбилъ страстно и любилъ какъ сына. Нашелъ въ немъ чистосердечнаго, кровеннаго молодого человѣка, съ свивисельнымъ, но не опытнымъ сцемъ и тѣмъ болѣе любилъ его. лѣ двухъ лѣтъ уже прошло, и Линдоръ жилъ у Графа — прос доброе сердце и умъ Линдора пррбли ему совершенную довѣренно Графа и — любовь молодой Лизы, чери его. Такъ — любовь. Пыл Линдоръ не зналъ еще женщицъ, былъ въ обществѣ ихъ — молодая

юпя и видѣла много любезныхъ му-
 цинъ; но не видала еще споль любез-
 наго, какъ Линдоръ. Молодая Графиня
 не была къ нему равнодушна — первое
 впечатлѣніе рѣшило ея участь — сперва,
 она полюбила Линдора какъ брата
 и питала къ нему дружбу, въ послѣд-
 ствіи дружба сія преобразилась въ
 пламенную любовь — она пѣмъ сильнѣе
 ее чувствовала, что принуждена была
 скрывать ее отъ отца и даже самаго
 Линдора. Томные взгляды, задумчи-
 вость, вздохи, обыкновенной языкъ
 любви, не былъ вяпемъ для неопыт-
 наго Линдора — онъ чувствовалъ грусть,
 сердечную тоску, чувствовалъ бѣненіе
 сердца при приближеніи Графини, чув-
 ствовалъ — и не могъ изъяснить чувствъ
 своихъ. Спо разъ хотѣлъ онъ упасть
 къ ногамъ Лизы и открытъ ей спрасъ
 свою и всякой разъ невольной спрахъ
 его удерживалъ. Наконецъ Графъ
 замѣтилъ задумчивость Линдора и не-
 вольное *люблю* вырвалось изъ сердца
 его. Графъ зналъ уже о спраси сво-
 ей дочери и ни мало ей не прошивился.
 Ему не нужны были шипла и богаш-

ства — онъ хотѣлъ щастія своей дочери — и шакъ могъ ли пропившися ея спрасити? Линдоръ! сказалъ онъ, ты любишь Лизу, она любитъ тебя — будьте щасливы, друзья мои — Ливдоръ! прежде я любилъ тебя, какъ сына — теперь принимаю въ свое семейство. Люби Лизу и будь достоинъ ея любви! обрадованный Линдоръ цѣлуетъ руку своего благодѣтеля, клянется въ вѣчной вѣрности Лизѣ, клянется любить Графа, какъ отца своего.

Завтра, говоритъ Графъ, завтра подтвердите вы клятву свою предъ олтаремъ Бога всемогущаго — о дѣти мои! вы еще молоды — живите щасливо, любите другъ друга, избѣгайте пѣхъ случаевъ, которые могутъ навлечь раскаяніе за собою!... — Завтра? сказалъ Линдоръ, какъ бы пробудясь отъ сладкаго сна — завтра? о Боже!... нѣтъ, Графъ! я прошу васъ, заклинаю, отсрочить блаженство мое еще на мѣсяць. — На мѣсяць! сказала удивленная Лиза — Линдоръ! Линдоръ! къ чему отсрочивать наше блаженство? — я

люблю тебя.... Нѣпѣ, Графиня, я не могу прежде — ужасная клятва претпаствуешѣ моему щастію — Клятва! какѣ? Линдорѣ! не ужели ты могѣ меня обманывать? не ужели ты могѣ претступитѣ клятву данную тобою другой? Но скажи мнѣ кто она? Укажи мнѣ ту щастливую женщину, копорая могла овладѣть сердцемѣ швоимѣ — я увижу щастливую соперницу и умру спокойно! — Лиза! Лиза! и ты можешѣ подорѣвать меня въ злодѣяніи? Нѣпѣ — это ужасно! ахѣ, я никого не любилѣ кромѣ тебя! не клятва любви удержи-ваетѣ мѣня; но клятва данная опцу моему — Графѣ! вотѣ одно, что я скрывалѣ опѣ васѣ. Опецѣ умирая вручилѣ мнѣ запечашанной ящикѣ и велѣлѣ прочиташъ написанное въ немѣ чрезѣ при года — я далѣ клятву исполнитѣ въ точности его приказаніе — чрезѣ мѣсяцѣ кончитѣся срокѣ назначенной имѣ — я распечашаю письмо, исполню волю опца, и тогда — тогда предамѣ на вѣки воли вашей!

Какѣ громомѣ пораженный, Графѣ не могѣ скрыть своего смущенія.

Клятва! письмо! сказалъ онъ, спрашеванія! не ужели это?..... Нѣтъ! Бленваль удалился въ Америку, его погибъ, двадцать лѣтъ я ни не слыжалъ о немъ — нѣтъ! это (не можеть. Линдоръ! я никогда хотѣлъ тебя спрашивать объ своемъ — я любилъ тебя, какъ сын мало не помышляя о своемъ путешествіи; но странное завѣщаніе твоя клятва, это шайное письмо, буждають во мнѣ любопытство. жи мнѣ, открой шайну сердца для твоему — не знаешь ли ты какъ подробностей жизни твоего отца? Клянусь, что я ничего не знаю. Онъ мой всегда утаивалъ отъ меня подробности жизни своей, конечно это можно объяснить ихъ. — Такъ разрѣши его! сказалъ Графъ. Нѣтъ Графъ! не возможно! срокъ приближается чрезъ мѣсяць — и я буду или счастливейшій, или несчастнѣйшій изъ счастливыхъ. — Графъ пребывалъ; но ни не могло поколебать Линдора — пребылъ твердъ въ своемъ намѣреніи

Линдоръ, Графъ и Лиза съ равнымъ нетерпѣніемъ ожидали исхода Мѣсяца — Линдоръ ожидалъ рѣшенія судьбы своей — Лиза любя его напрасно принимала въ немъ живѣе-е участіе — тайное предчувствіе гучило Графа и тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ заставляло его ожидать Мѣсяца пагубнаго Мѣсяца, въ которой должна была рѣшиться участь дѣшей его и можетъ быть объясниться куча иррациональных подозрѣній перзавшихъ духъ его. Графъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ срока, угрызенія совѣсти родили въ душѣ его сомнѣнія и лишили его совершенно покоя. О какъ щастливъ шопѣ, кого совѣсть ничѣмъ не укоряетъ! Линдоръ видя безпокойство Графа и принимая сіе за новой знакъ участія въ судьбѣ его, усугубилъ къ нему душевное почтеніе и истинную любовь свою. Графъ! почтенный благодѣтель! говорилъ онъ, нѣтъ — никогда, никогда не забуду любви вашей; никогда не забуду того, что я одолженъ вамъ всѣмъ щастіемъ моимъ! Графъ обнялъ Лин-

дора и со слезами сказалъ ему: Линдоръ! Линдоръ! живи шакъ, чтобы совѣсть тебя ничѣмъ не укоряла и будешь щасливъ! — Что значатъ эти слезы? спросилъ Линдоръ. — Ахъ, придетъ время, мой другъ, тогда я открою тебѣ тайну сердца моего — тайну страшную! пусть мой примѣръ послужитъ вамъ урокомъ! — Разпроганный Графъ не могъ болѣе продолжать и оставилъ Линдора и Лизу въ недоумѣніи.

Между тѣмъ время летѣло — насталъ день, въ которой тайна судьбы Линдора должна была рѣшиться — въ какихъ ужасныхъ мученіяхъ провелъ онъ ночь, въ которую должна была извѣститься сія странная загадка — безпокойства со стороны Графа были еще ужаснѣе — Линдора мучила неизвѣстность — Графа терзала совѣсть — Линдору блисталъ еще лучъ надежды — Графъ не имѣлъ и сего утѣшенія. Наконецъ настаетъ роковой день — Графъ и Лиза приходятъ въ комнату Линдора. Графъ! сказалъ онъ, благодѣтель мой,

ругъ! — вотъ та минута, въ которую должно все рѣшиться — Графиня! напоиъ день рѣшитъ. достоинъ ли я руки вашей. О родитель мой! ты ве-
ѣлъ мнѣ быть щасливымъ; но если-
ли я лишусь Лизы, то могу ли быть
щасливъ? . . . Слезы навернулись на гла-
захъ Линдора — неперпѣливый Графъ
требовалъ — Линдоръ открылъ ящикъ,
нашелъ въ немъ письмо и прочиталъ
слѣдующее :

„Линдоръ! небо избрало тебя ору-
„дїемъ мести. Въ объятїяхъ добродѣ-
„тельной супруги я наслаждался ща-
„стїемъ — извергъ пользуясь священ-
„нымъ именемъ дружбы, нарушилъ мое
„блаженство. Мать своя, невинная
„жертва его коварной злобы, пала отъ
„руки моей — я поклялся мститъ зло-
„дѣю даже и за гробомъ — ты далъ
„мнѣ клятву исполнить волю мою —
„теперь завѣса непроницаемой тайны
„спала — узнай Линдоръ, что ты не
„рожденъ въ низкой долѣ — отецъ
„твой скрывавшій себя подъ именемъ
„Дорсана, есть Графъ Бленваль. Въ

„семѣ ящикѣ найдешъ ты кинжалъ
 „пагубное орудіе, которымъ я
 „зилъ сердце пвоей матери — сп
 „сынъ мой, исполни кляшву свою
 „мсти крови запекшейся на семѣ
 „жалъ, и пѣмъ же самымъ ору
 „пронзи сердце Флориваля —
 „спи”

Флориваля! сказалъ удивленный
 доръ, Флориваля! Боже! . . . и пагу
 желѣзо выпало изъ рукъ его

Такъ Линдоръ! сказалъ Графъ,
 дѣй лишившій щастія отца пвоего
 новникъ смерти матери пвоей, уѣ
 извергъ — предъстоишь глазамъ
 имъ — рази, естли можешъ — пр
 сердце своего благодѣтеля, того
 торой жилъ, дышалъ лишь для п
 чшобы сдѣланъ тебя щастливымъ!

Графъ! сказалъ Линдоръ, другъ
 благодѣтель злодѣй! воскрик
 онъ свирѣпымъ голосомъ поднявъ
 жалъ въ испуленіи Нещастная
 за пала къ ногамъ Линдора: Линд
 Линдоръ! сказала она, естли ты
 чешъ исполнять волю отца, то

мнѣ излей всю злобу свою — порази сердце, которое пылаетъ къ тебѣ любовью!...но пощади отца моего!

Въ изступленіи, въ безпамятствѣ, желая исполнить волю отца, перзаемъ любовью, преисполненъ благодарности къ Графу — Линдоръ не зналъ, что предпринять. Линдоръ! сказалъ Графъ, вотъ та тайна, которую я хотѣлъ открыть тебѣ — Линдоръ! исполни волю отца — рѣши мучительную неизвѣстность, испоргни изъ груди злодѣйское сердце, виновникъ бѣдствій твоихъ; но пощади Лизу!....

Мнѣ поднять на тебя руку? сказалъ Линдоръ, мнѣ пронзить сердце, которое пылаетъ ко мнѣ любовью?—нѣтъ, Графъ!— злодѣяніе твое велико, но не сильно истребитъ благодарности моей. Графъ! съ сихъ поръ я прерываю всѣ связи съ тобою. Я осужденъ къ несчастіямъ — иду въ мрачную пещеру, сокрою тамъ свои бѣдствія и въ страданіяхъ окончу дни мои! — Постой! сказала Лиза, остановись жестокой человекъ! или ты хочешь видѣть смерть мою? или

мало ты усладился шѣми муками, когда ты съ припворнымъ добродушіемъ вливалъ ядъ въ сердце мое..— Боже! вскричалъ Линдоръ, еспьли еспь еще какія мученія, излей ихъ на меня! — теперь я вижу, что я оставленъ Тобою — я исполню волю отца — сіе желѣзо пребуешъ крови — Графъ! Лиза! проспите на вѣки... *Остановисъ!* закричали Графъ и Лиза; но уже было поздно — несчастной Линдоръ пронзилъ свое сердце кинжаломъ и плавалъ обгоренъ кровію. *Графъ!* сказалъ онъ помнымъ голосомъ, *Лиза! дражайшая Лиза! теперь я примирюсь съ отцомъ моимъ!* Лиза упала въ безпамятствѣ на шѣло Линдора и закрыла глаза свои на вѣки. Графъ воздвигнулъ памятникъ надъ несчастными любовниками — положилъ ужасной кинжалъ на гробъ ихъ и плачевныя остаткы дней своихъ провелъ въ мрачной Дорсановой пустынѣ.....

Письмо къ другу изъ столицы.

Теперь у насъ повальная болѣзнь. Не пугайся — это шолько по часпи Липшерапуры. — Болѣзнь самая опасная, оказывающаяся опухолью сердца. Главнѣйшіе признаки ея, какъ можно замѣчать, состоятъ въ круженіи головы, часпо находить и большой бредъ при возрѣніи на самую бездѣлицу; руки прясупся, чшобы оставить на бумагѣ память о прогулкѣ по полю, по саду, по улицѣ, по комнатамъ, по карманамъ, объ одѣяніи, о пипьѣ чаю, словомъ о каждомъ здѣланномъ шагѣ на яву и даже во снѣ, или въ продолженіи производимой сею болѣзнію горячки. Упомянушой мною вередѣ на сердцѣ такъ щекопливъ, чшо малѣйшее дѣйствіе на него, посредствомъ какого нибудь извѣяніи обыкновенныхъ чувствъ, производить сильное попрясеніе во всемъ человекѣ и представляетъ ему все въ гореспномъ, а иногда

♦

въ *миломъ* видѣ. Зараженный плачемъ, если по неоспорожності случисься ему *отереть носъ съ кровушкѣ жотылка*; мечтаешъ что Геба на Олимпѣ пошчваешъ его Некпаромъ, когда пьешъ жидкой опваръ Китайской правы. Сколько нибудь *смазливая коровница* кажешся ему *Грацією*. Въ кучкѣ муравьевъ видишь *блогоустроенное общество неумолимыхъ гражданъ*. Тотчасъ вникаешъ въ ихъ законы, и пригоповляешъ цѣлую пепрадь для описанія всей ихъ республики, съ большею заботливостию нежели бы кто собирался описать Америку. Если недостаешъ ему словъ для сего новаго предмета, шворитъ собственныя, не заботясь будущъ ли они другимъ понятны. Сила сей чудной болѣзни независитъ отъ поры. Она одинаково мучитъ во всѣ чешыре времени года. Одна упавшая съ неба снѣжинка наполняешъ десятокъ страницъ. Такъ чшоже говоритъ о тѣхъ мѣсяцахъ, когда можно валяшся на *дерновыхъ коврахъ*, *втирая на нихъ сертукѣ Аврориной сл-*

звѣ — сражаться съ колющимъ шиповникомъ защищающимъ невинную розу, наслаждаться гармонією сверчковъ, нюхатъ томные фїялки, негальное незабудки, и проч. а особливо прохладатся золотыми яблоками, ранетами и проч. Я далъ тебѣ любезный другъ на первой случай легкое понятіе о сей болѣзни. Говорящъ что она происходитъ изъ какого-то Юго Западнаго острова и по неоспорожности нашихъ ученыхъ каранпиновъ, прокралась къ намъ (*)

Съ того времени не нужны намъ спали ни Бишинги, ни де ла Порты, ни Паласы. Всѣ заговорили однимъ языкомъ, что географій довольно (хотя ихъ весьма мало) и что Географическія извѣстія ненадобны, должно описывать природу — надобно караулить, что она дѣлаетъ тайкомъ и все это описывать во время припадка сей болѣзни, о которой я къ тебѣ пишу. Но ты послѣ

(*) Здѣсь Издашель выпустилъ нѣсколько строкъ.

всего этого спросишь, какъ же она называется? Правда, я забылъ сначала объ этомъ сказать. Зараженные ею сами называютъ ее *сантиментальностию*, а здоровые по старому *сумазбродствомъ*. Плодовъ ея появилось очень довольно, еслибы я ихъ наименовалъ шебъ, это не много было бы опасно для больныхъ. Всѣ они, говорящъ, въ такомъ случаѣ щекопливы какъ лунапики, когда ихъ кличутъ по имени. Оставимъ это до другаго времени. Авосьлибо приняты будутъ спасительныя средства къ исцѣленію ихъ. Теперь вѣкъ просвѣщенія — только во царствѣ хромыхъ прямоногіе почитаются не умбющими ходить. —

В. А — 6.

III.

Письмо къ Издателю.

Милоспивой государь!

Вы помѣщаете въ Журналѣ вашемъ нѣкоторыя примѣры рѣдкой добродѣтели случающіяся въ нашемъ Опечесствѣ. Вы утверждаете, что они не рѣдки у насъ и это истинная правда. Въ доказательство словъ вашихъ, позвольте мнѣ описать одно происшествіе случившіяся въ Д...уѣздѣ, копорому я и всѣ жители были очевидными свидѣтелями. Пусть случай сей докажетъ нѣкоторымъ людямъ презирающимъ бѣдныхъ поселянъ, что и въ низкомъ состояніи есть добродѣтельная сердца.

Въ Д...уѣздѣ, въ М...волости, живешъ Федоръ простой крестьянинъ. Лишась чешырехъ бывшихъ у него сыновей, онъ принялъ къ себѣ такое же число сиротъ, вскормилъ ихъ и любилъ какъ дѣтей своихъ. Онъ всегда слылъ добрымъ человекомъ; но два слу-

чая, о которыхъ я вамъ хочу сказать, умножили общее къ нему уваженіе. Въ селеніи, въ которомъ живеть Ѳедоръ случился пожаръ — десять дворовъ сгорѣло и десять семей приведены были симъ въ крайнюю нищету — всѣ жалѣли; но никто не думалъ помочь. Нѣсколько дней спустя послѣ сего несчастія, приходитъ ночью неизвѣстный къ священнику сего села, спучится въ окно, бросаетъ пять сотъ рублей и сказавъ: *отдай погорѣлымъ, уходишь*. Священникъ созываетъ крестьянъ, и объявляетъ имъ о семъ. Всѣ удивляются, несчастные благословляютъ невидимую руку посылающую имъ помощь и не знаютъ своего избавителя — никто и не думалъ, чтобы это былъ Ѳедоръ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ попомъ лакей моего сосѣда везя въ городъ 300 р. денегъ для пересылки по почтѣ, нечаянно потерялъ ихъ дорогою. Въ отчаяніи онъ не зналъ, что дѣлать — не зналъ, какъ показаться къ барину — по щастію встрѣчаетъ онъ Ѳедора и со слезами рассказываетъ ему о своемъ

горѣ. Слезы несчастнаго возбудили чувствительность Федора — онъ привезъ его къ себѣ, далъ ему 300 р. своихъ денегъ, взялъ съ него кляпву, и чтобы онъ никому объ этомъ не сказывалъ и благодарилъ Бога, что онъ далъ ему случай сдѣлать доброе дѣло. — Деньги были отданы на почтѣ и никто не зналъ о поступкѣ Федора. Но наконецъ лакей признался во всемъ господину своему — такимъ образомъ открылись добродѣтельные поступки Федора. Съ тѣхъ поръ всѣ крестьяне удвоили къ нему почтеніе и выбрали его своимъ старостою. Поступки сіи тѣмъ достойнѣ уваженія, что содѣлавшій оныя ни мало ими не превозносятся и говоритъ только: *я здѣлалъ то, что Богъ велѣлъ.*

Вотъ примѣры рѣдкой добродѣтели. Пожалуйте, милосердивый государь, помѣстите письмо сіе въ Журналъ вашемъ, симъ вы чувствительно обяжете меня и всѣхъ почи-

шателей истинной добродѣтели (*).
 Съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю
 вашимъ м. г.,
 покорнѣйшимъ слугою
М. Н — вб.

(*) Съ удовольствіемъ выполняю желаніе почтенной особы сообщившей мнѣ извѣстіе о благодѣтельныхъ поступкахъ Федора, и съ чувствомъ живѣйшей признательности буду помѣщать въ Журналъ всякое извѣстіе о добродѣтельныхъ поступкахъ любезныхъ соотечественниковъ.

Изд.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Континна Шиллера.

тамъ увидимся мы опять, или — никогда —

Траг. разбойники.

ри! — тамъ звѣзда лучезарна

Въ синемъ эфирѣ

вѣшлой просягшись чершою

Тихо померкла.

*

Рокъ шо; звѣзда пушь оконча

Въ безднѣ зашмилась :

Смершный великій (*) со славой

Въ вѣчность отходитѣ.

*

(*) Человѣкъ (полководецъ или писатель, все равно) достигшій въ своемъ намѣреніи совершенства, есть — великій человекъ. Шиллеръ, въ избранномъ имъ родѣ Трагедій, показалъ и достигъ послѣдней возможной степени совершенства.

Слышишь . . . ? — Чу! — спонешъ мѣданный
 Колоколъ смерти ;
 Спонешъ и своды земные
 Бой потрясаетъ. — —

*

Въ мирной оградѣ покоя
Гснй рыдаетъ ;
 Долу поверженъ дымится
 Пламенникъ жизни.

*

Вѣшви навислыя ивы
 Крохотъ могилу ;
 Листвiя съ шумомъ колеблютъ
 Вѣтры пустынны.

*

Лира Поэта , при корнѣ
 Древа безмолвна ;
 Острый кинжалъ Мельпоменинъ
 Въ прахъ сверкаетъ.

*

Муза печальна шрепеща
 Урну объемлетъ ;
 Слезы по блѣднымъ ланитамъ
 Градомъ кашятся. —

*

Что извлекаешь спенанья

Дѣвы Парнасской?

Что сей, надѣ коимъ поскуешь

Дщерь Мнемозины?

*

Гжасы хладныя смерти

Какъ вы коснулись? —

Горе! — пѣвецъ Мельпоменинъ —

Шиллеръ — во гробъ!

*

Шиллеръ — предъ кѣмъ цѣпенели

Оркуса силы, —

Эпиксовы воды мушились, —

Фуріи маѣли. — —

*

Скоро, ахъ! скоро умолкнешъ

Звонъ похоронной;

Камень надгробной исплѣнешъ;

Ива завянешъ.

*

Гдѣ же пѣвецъ Мельпоменинъ?

Гдѣ его памяшь? —

Слава великихъ — кончина;

Памяшь шворенья.

*

Геній — какъ въ шверди свѣшило
 Вѣкъ не мерцая,
 Грѣшѣ, живишѣ, восхищашѣ
 Взоры вселенной.

*

Яркій свѣшильникѣ не скроюшѣ
 Мраки шуманны ;
 Ночью луна свѣшѣ прицмешѣ :
 Узряшѣ въ ней солнце.

*

А. Бс.

II.

Стихи къ Юліи.

Написанные на любовной бумагѣ (papier d'Amour), на которой изображенъ нагой Амуръ безъ крыльевъ и безъ лука, а по краямъ сии слова:

Tel fut l'Amour au siecle d'or,
 On ne le trouve plus, mais on le cherche en-
 cor,
 N'offrant qu'un coeur à la beauté
 Aussi nud que la vérité,
 Sans armes comme l'innocence,
 Sans ailes comme la constance.

То есть :

Въ златой вѣкѣ, говорящъ, таковъ былъ
 Купидонъ.
 Хоть ищущъ всѣ его, но больше не нахо-
 дящъ.
 Единой красотѣ давалъ лишь сердце онъ,
 Былъ нагъ какъ истина, какъ Граціи всѣ
 ходящъ,
 Невиненъ будучи не бралъ онъ лука, спрѣлъ,
 А постояненъ бывъ и крыльевъ не имѣлъ.

То правда, что шеперь какъ нрав
развратилис

И счастье и любовь ошъ насъ ужъ удалились
Однако и того не можно вѣдъ сказать,
Что будшо истинной любви не лзя сыскать
Мы ошибаемся, коль судимъ съ лишкомъ
спрого
Есть, есть любовники прямые, — но не
много

Въ досадѣ ныжный полъ не рѣдко во
плетъ,

Что вѣроломнѣе мушинъ на свѣшѣ нѣшъ,
Что какъ желаніе ихъ шолько совершится,
То вдругъ въ холодность спрасъ, въ пре
зрѣнѣе превратится.

Клянется и землей и небомъ хитрый льстецъ,
Что будешъ вѣкъ любишь — смѣется на
конецъ.

Къ безчестью своему должны мы въ семъ
признашся

Предъ женщинами намъ не можно оправдася.
Нѣшъ, въ самомъ дѣлѣ нѣшъ гнуснѣе ничего,
Какъ для минушнаго веселья своего

Невинность погубишь, невинность обезсла
вишь

И насмѣявнися въ несчастьѣ вѣкъ оставишь

Но безприсрасшно все когда мы раз-
беремъ,
въ подробность вникнемъ всю, по можеть
бышь найдемъ
кой - что и къ нашему предъ ними изви-
ненью. —

Мущина слѣдую природному движенью,
Не рѣдко красотою плѣняется одной,
Или пріятностью, иль ловкостью какой.
Онъ видитъ только то, что лишь его прель-
щаетъ,
Онъ хочетъ вѣкъ любить, любить вѣкъ
общаетъ,
Клянется въ правду онъ и думаетъ тогда,
Что равно будеть онъ прельщаться и всегда;
Но видно уже такъ успавила природа,
Чтобъ корюшка была любовь шакого рода.
Какъ только первой жаръ не много построй-
детъ,
Завѣса потчасъ съ глазъ любовника спадетъ.
Какое же его шутъ будеть изумленье!
Разкается тогда въ своемъ онъ ослѣпленъ.
Для одного, или для двухъ пріятныхъ
своисшвъ
Возможноль всякой часъ сносить шму без-
покойствъ? — —

Упрямство, глупость, злость, надмѣнность,
 жванство, хвасповство,
 Жеманство, суешность, пришворство, щегольство
 Хотя рано, поздно, но вѣрно ошвращать.
 Любовникъ прочь идетъ — и онъ же виноватъ. —

Конечно иногда и никакой причины
 Не могушь принести обманчики мушны
 Во оправданіе измѣны гнусной ихъ —
 И шушь не лзя винишь измѣнниковъ однихъ. —
 За благосклонность кто презрѣнемъ, смѣхомъ плашитъ,
 Подлѣйшій кто обманъ себѣ за славу спавитъ,
 Тотъ и во всемъ уже безчестенъ долженъ бытъ.

Когожъ вы женщины рѣшаешесь любить?
 За чемъ любовника узнашь вы не хопите,
 Узнайте напередъ, — попомъ уже любите.
 Ужь ли природа вамъ разсудка не дала?
 Нерѣдко сами вы себѣ виною зла,
 Нерѣдко вамъ смѣшонъ, прошивенъ томъ
 бываетъ
 Кто разумомъ прямымъ и сердцемъ обладаетъ,

А кто наружностью одною лишь блес-
 шипъ,
 Гопъ милъ, пріятенъ вамъ; онъ хвалипъ
 васъ, онъ льстипъ;
 Вы вѣрише ему — онъ вамъ въ глаза
 смѣшся,
 Но вы невидише. — Онъ съ жаромъ вамъ
 клянешся

И вы пускаешся на все его любя.

Кшождъ больше виноватъ? — пѣняйше на себя!

Любовь лишь полько шамъ на вѣки

продолжисся,
 Гдѣ съ дружешвомъ она, съ почтеньемъ
 сѣдинишся. —

Изчезнетъ красота, — не будешъ и за-
 бавъ,

Не будешъ и любви; но естли умъ и нравъ
 Бываюпъ съ прелесшми, шо хошь онъ увя-
 нушъ,

Достоинства же все пѣняшъ не пересша-
 нушъ.

Кшо чесненъ можешъ ли достоинства за-
 бышь? —

О Юлія! тебѣ вѣкъ буду я любить!

А. Измайловъ.

Ш.

*Истуканъ и змѣй.**(Съ Франц.)*

Изъ промежъ правки змѣй головку припод-
нявъ,

Увидѣлъ истуканъ огромный Геркулеса,

И думая, что это сынъ Зевеса,

Покрытый кожей льва и съ спрашной бу-
лавой

Вдругъ гнѣвомъ восплавъ,

(не долго змѣю разсердиться)

„Когда, когда сей смершной головой

„Касаясь облаковъ, престанешь ты гор-
диться?

„Да снидешь въ адъ

„И да забудешь свѣтъ его всю славу —

„Двенадцать подвиговъ его! — мой люшый ядъ

„Отмстишь за сестръ моихъ — за гидру
проглаву.”

Сказалъ — и въ ярости поползъ къ ногамъ
Алкида

Грызъ холодной мраморъ и шипѣлъ,

Пока самъ шумъ же околѣлъ.

Вы всякаго ревнивцы вида!
 Познайше, что здѣсь рѣчь о васъ.
 Героевъ слава — мудрыхъ гласъ,
 Хоть прахъ ихъ шлѣетъ въ гробъ
 Пришупятъ жало вашей злобъ!

В. А.

IV.

Длигралмы.

1.

У мужа коль съ женой бываетъ сходенъ
 нравъ,
 То шупъ уже любовь и щастье неоп-
 мѣнно,
 Филонъ мой въ выборъ своемъ, ей Богу,
 правъ —
 Жена его есть онъ, почь въ почь съ нимъ
 совершенно.
 Безъ поцалуевъ бышь не могущъ ни часа —
 Лишь поцалуешся и въ мигъ — за волоса!

А. И.

2.

Включенъ нашъ Клишъ между великими му-
жами,
Да чѣмъ же онъ извѣстенъ спалъ? — Рогами!

7. *

ИЗВѢСТІЯ и СМѢСЬ

1.

Россійскія книги:

Рѣка временъ, или эмблематическое изображеніе Вселірной Исторіи, отъ древнѣйшихъ временъ по конецъ XVIII столѣтія, отъ Г-мъ Страссомъ, переведена съ Нѣмецкаго Александромъ Варенцовымъ.

Г. Страссъ, директоръ Гимназіи въ Клостербергенѣ, сочинитель сей каршы, изобразилъ Исторію Народовъ въ видѣ различныхъ попоковъ — Эмблема сія весьма удобна для обозрѣнія главнѣйшихъ перемѣнъ случившихся на земномъ шарѣ. Всѣ извѣстные въ Исторіи народы являются подѣ видомъ попоковъ, которые по соединяются, по опять раздѣляются, или разливаются на многочисленныя струи, смотря по обстоятельствувамъ племенъ сходствующимъ съ симъ изображеніемъ. На сей каршѣ

однимъ взглядомъ можно увидѣть судьбу всѣхъ народовъ, ихъ происхождение, (сколько можно сіе опредѣлить) приращеніе, ослабѣваніе, и упадокъ; шо время когда является какой Государь, періодъ его дѣятельности, усматривать современныхъ ему владѣтелей и вообще удобно обозрѣть важнѣйшія соотношенія между собою всѣхъ государствъ, во всякомъ періодѣ, въ каждомъ столѣтїи и въ каждомъ годѣ порознь. Для лучшей оппѣнки народовъ, каждой попыкѣ имѣетъ особенную краску. Маленькая книжка принадлежащая къ сей картѣ, содержитъ *Руководство къ употребленію оной и краткое обозрѣніе Вселѣрной Исторїи* для объясненія сего эмблематическаго представленія.

Никакая Исторія не можетъ такъ поразить вниманія человѣка какъ сія карта. Никакая Исторія не возродитъ въ душѣ чувствительнаго человѣка шо-го неизбѣнимаго чувства скорби, при видѣ быстраго полета все-разрушающаго времени, которое раждается при

озеръни в другѣ на всѣ перемѣны Мира. Исторія народовъ и жребій царствъ поражающъ всякаго. Какое чувство жаждается въ душѣ, когда увидишь, что изъ множества малыхъ потоковъ испекающихъ изъ мрака неизвѣстности, составляющъ двѣ или три рѣки, которыя всѣ наконецъ поглощаются могуществомъ Римлянъ, сливаются въ одно и составляютъ Океанъ Римской Имперіи, которой необъятное величіе есть чудный Феноменъ Исторіи всѣхъ царствъ и всѣхъ вѣковъ. Въ свою очередь сей Океанъ раздѣляется на 2 потока, а потомъ опять раздробляется на множество. Кто знаетъ? Можетъ быть придетъ время, когда потоки сіи составятъ опять одну рѣку, которая въ свою очередь, разольется опять на неизчислимые ручьи.....

Пусть ученые кришники Исторіи разбираютъ гдѣ г. Спрасъ сдѣлалъ какую ошибку въ сей многопрудной работѣ — пусть доказываютъ погрѣшности въ хронологическихъ изчисле-

ніяхъ, въ произхожденіи и древности народовъ и пр. Не входя въ споль глубокое разсмотрѣніе, мы за особенное удовольствіе поспавляемъ объявишь чашапеламъ о сей Исторической картѣ, весьма полезной для всѣхъ упражняющихся въ Испоріи, а особливо для начинающихъ. Г. Варенцовъ при переводѣ оной, найдя пошокъ Россійской Испоріи недоспашочнымъ, вновь его обработалъ. Также приумножилъ и довелъ до новѣйшихъ временъ, пошокъ опредѣленной на картѣ для учености и изобрѣшеній. Какъ переводомъ, такъ и дополненіемъ сей карты, Г. Варенцовъ заслуживаетъ благодарность всѣхъ любительей Испоріи, а наиболее Опечестпвенной.

*Картина Потола.**(Изъ сог. Геснера).*

Злапые верхи башень уже покрылись водою — багровые валы капились безпрепятственно по поверхности горъ. Единный шокмо дикой скалъ возвышался изъ сей развъяренной хляби. Глухой стонъ біющихся о него волнъ раздавался въ окрешностяхъ; несчастные произнося жалобные вопли покушались взлестъ на сію скалу, и смерть лепя по сей развъяренной пучинѣ, повсюду ихъ преслѣдовала и поражала. Тамъ каменной утесѣ горы опягченнѣ избѣгшими изъ челюстей смерти людьми, опшоргаются съ прескомъ и съ сими несчастными повергаются въ бездну водъ. Здѣсь спремипельные испочники бурными дождями соспавленные, низвергаются съ крупины и влекутъ сына, копорой вопще силипся спасти погибающаго опца, или взвеси на высоту мапъ окруженную малыи дѣшми. Весь міръ ушопалъ

въ сей безднѣ — единый только возвышенный скалъ не былъ залитъ водою. На сей вершинѣ Селимъ спасъ свою нѣжную Семиру копорую поклялся любить вѣчно. Ярыя волны все пожрали — они одни оспались на земномъ шарѣ — одни, среди волнующихъ бурь и вѣтровъ. Громы капились по небу самъ, дождь стремился на нихъ, морскія пучины спонали у ногъ ихъ. Ужасная пѣма царствовала вокругъ — извивистыя молніи освѣщали только сію мрачную сцену ужаса. Каждая пучка мчала ужасъ на мрачномъ челѣ своемъ и каждая волна опягченая шрупами, капилась среди бурь и алкала новой жершвы. Семира, несчастная Семира, прижала друга къ препещущему сердцу своему; слезы и капли дождя капились по блѣднымъ ланипамъ ея. И такъ нѣтъ спасенія! сказала она прерывающимся голосомъ, о Селимъ!... ужасная смерть окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ . . . уже она подходитъ къ намъ! ахъ! копорая изъ сихъ воля

оглошитъ насъ? Мой милой! поддержи
 еня въ твоихъ шрепещущихъ объ-
 яхъ! скоро, скоро мы погибнемъ въ
 емъ общемъ бѣдствіи! . . . Боже! . . .
 онъ . . . видишь ли ты сію волну мол-
 іею освѣщенную — она бѣжитъ . . . О
 гоубъ! о Судія! . . . и бѣдная Семи-
 ра поверглась безъ чувствъ въ объ-
 я своего друга.

Селимъ держалъ въ объятіяхъ свою
 любовницу; глаза ее померкли, губы по-
 бледнѣли — Селимъ не зрѣлъ уже раз-
 рушенія міра, онъ видѣлъ только Се-
 миру безъ чувствъ лежащую на ру-
 кахъ его, и сіе зрѣлище для него было
 ужаснѣе самой смерти. Онъ цѣловалъ
 охладѣвшія ея ланиты и прижавъ къ
 сердцу сказалъ: Семира! дражайшая
 Семира! взгляни, взгляни еще разъ на
 сію ужасную картину — еще разъ
 прежде гибели нашей, взгляни на
 меня, скажи что ты меня любишь и
 будешь любить до гроба!

Семира открыла помные глаза,
 взглянула на него съ видомъ страст-
 ной, но удрученной скорбію женщины.

Помомъ обраша взоры на всемірну
 погибель, она съ ужасомъ воскликнула
 И шакъ нѣтъ уже спасенія — о Боже!
 о Судія! смопри Селимъ, видишь какъ
 волны яряся, какъ громаы прецѣпаѣ
 вокругъ насъ. Какія ужасы возвѣща-
 ютъ гнѣвъ Бога мспшителя! Боже! что
 сдѣлали мы предъ тобою? Дни наши
 шекли въ невинныхъ удовольствіяхъ!
 Селимъ, добродѣтельнѣйшій изъ смерш-
 ныхъ я, бѣдная! нещаспная! люди
 услаждавшіе пупъ жизни моеѣ погнбли . . .
 А ты давшій мнѣ бышіе! о ужа-
 ной призракъ! ярыя волны увлекли
 тебя изъ обѣщій моихъ: ты въ по-
 слѣдній разъ просперъ ко мнѣ руки
 свои, хотѣлъ дашь мнѣ послѣднее бла-
 гословеніе и погнбъ на вѣки Увы!
 всѣ погнбли мои ближніе, но Селимъ!
 Селимъ! сей міръ разрушенный, пре-
 обращенный въ мрачную пущыню, для
 меня былъ бы раемъ утѣхъ съ тобою!
 Боже! дни нашч шекли въ невинныхъ
 утѣхахъ Увы! и шакъ нѣтъ уже
 спасенія, нѣтъ надежды къ прощенію!
 но что произноснть огорчен-
 ное мое сердце? О Боже! оп-

пусти намъ, мы погибаемъ! Ахъ, что предъ побою невинность смертнаго?

Селимъ держалъ Семиру въ объятіяхъ своихъ: такъ, дражайшая Семира, сказалъ онъ, все погибло на землѣ; уже среди сего ужаснаго разрушенія не слышны вопли погибающихъ. О Семира! сей часъ есть послѣдній часъ нашей жизни! уже всѣ сладкія надежды жизни сей исчезли для насъ! исчезли всѣ милья предположенія, которыя мы дѣлали въ часы упоенія любовныхъ восторговъ! смерть приближается, мы погибаемъ! уже она касается препещущимъ стопамъ нашимъ, ахъ! любезная Семира! что была бы наша жизнь должайшая и преисполненная утѣхъ? Капля росы висящая со скалы, которую упренніе лучи солнца повергающъ въ море. Укрѣпись силою крѣпости твоей! вѣчное блаженство есть нашъ удѣлъ по смерти. Пройдемъ сей краткій путь безъ препета. Обними меня, Семира, и спанемъ ожидать съ твердостію нашей участи. Скоро, скоро духъ нашъ воспаритъ прѣвыше сей бездны ужаса; упоенный

чувствомъ неизбяснимаго блаженства онъ приметъ новую силу. Великій Боже надежда моя несомнѣнна. Семира! возведемъ взоры наши, возденемъ руки къ Богу. Смертнымъ не дано достигать его предопредѣлений. Тотъ кто духомъ своимъ оживилъ насъ, ниспосылаетъ казнь праведнымъ и грѣшнымъ. Блаженъ, блаженъ, кто не уклонялся стезей добродѣтели. О Боже праведный! днесь не о спасеніи мы молимъ Тебя, изми насъ къ страшному суду Твоему; но утверди надежду шого неизглаголаннаго блаженства, которую смерть поколебать не въ силахъ. Гремите грома! возспаньте бездны! поглотите насъ ярыя волны, благословенъ Господь вѣчно-благій и праведный!

Радость озарила лице Семиры; она просперла руки свои къ небу и сказала: шакъ, я преисполнена сею сладкою надеждою! Уста мои! возвѣстите славу Божию! лейшесь слезы радости, лейшесь доколѣ источникъ вашъ изсякнетъ съ смертію. Вѣчное наслажденіе насъ ожидаетъ. О вы любезныя существа!

ущества милыя сердцу, вы уже наслаждаетесь симъ блаженствомъ и коро, скоро мы за вами шуда последуемъ. Праведные окружающъ пеперь респоль Бога; они предстали предъ лице великаго Судии. Гремите громы! ушуйте въпры! спонайте бездны! вы возвѣщаете Его славу! поглотите насъ волны! . . . вопъ! . . . Селимъ! Селимъ! смерть приближается — она ешптъ къ намъ по сей мрачной лучинѣ. Селимъ — ахъ! не оставляй меня — уже волна увлекаетъ меня — проси! . . .

О Семира! . . . воскрикнулъ Селимъ — о смерть! благословляю руку твоя карающую! мы погибаемъ! Великъ Господь вѣчно-праведный и милосердый!

Съ симъ словомъ несчастные любовники обнялись и были увлечены волнами въ бездну. . . .

Анекдоты ()*.

Во время Шведской войны один молодой человек ъхавъ изъ Петербурга въ Москву, остановился ночевать в одной деревнѣ. Въ той избѣ, куда он вошелъ, сидѣли на печи два старика одинъ опшавной солдатъ, друго креспьянинъ — они разговаривали войнѣ. — Когда кончился эшопъ ма шежъ? спросилъ креспьянинъ. — *Когда людей не будетъ!* отвѣчалъ старовойнъ. Философы! что ваши умствования предъ симъ отвѣпомъ!

Коспровъ получа за нереводъ Оссіяна 150 р. въ тотъ же самый день сидѣлъ въ кофейномъ домѣ. Входятъ два офицера. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что ему надобно явиться къ

(*) Благодарю искренно г. неизвѣстнаго сообщившаго мнѣ сіи два Рускіе анекдота и прошу его присылать впередъ по добные.

сроку въ полкъ и что онъ потерялъ послѣдніе 150 р. остававшіяся у него для дороги. Черезъ нѣсколько времени потомъ офицеры вышли. Коспровъ идетъ за ними, оспанавливаетъ на лѣспницѣ и говоритъ офицеру. *М. Г. все потеряли 150 р. я нашёл ихъ — вотъ онъ!* сказавъ сіе отдаетъ офицеру деньги и пользуясь темнотою уходитъ. Какой великодушный поступокъ человека, котораго деньги сіи составляли можетъ быть все имѣніе!

•

Чѣмъ болѣе живетъ человекъ, тѣмъ болѣе ему жить хочется — никто, кромѣ несчастныхъ, не говорилъ: *полно жить* — всѣ, даже и шарики, думаютъ жить еще долго и любятъ жить, слѣдующій анекдотъ послужитъ сему доказательствомъ: Восмидесятилѣтній шарикъ узнавъ о смерти своего пріятели, умершаго на девяносто осьмомъ году, сказалъ: *Онъ былъ слабого здоровья, я всегда думалъ, что онъ не долго проживетъ.*

•

Кто ты? спросил прохожий. Я повелитель сего города. — Прохожий удивился. — Точно так, повелитель учил я поселяю детей, дети поселяют матери, матери мужья — каким образом я поселяю всё, что должно.

Один драматический сочинитель при представлении своей пьесы приказавшего сержанта разсказывавших в театре так, чтобы спрешивать *неприятелям* освистать драму. Совсем сими доспорожностями пьеса была осуждена. Автор относил всю вину на сержанта выговаривал ему. — *Стойте!* ошвещал сержант, *если вы десять ваших неприятелей свистите, то унять можно когда если вы восемь сот ваших приятелей придут в театр, и вы им дадите?*

Одинъ проповѣдникъ говорилъ проповѣдь о блаженствѣ. — Кажешся, что вы умолчали еще объ одномъ блаженствѣ, сказалъ ему одинъ изъ слушателей. — О какомъ? спросилъ проповѣдникъ. — *Блаженствѣ тѣхъ, которые не слышали вашей проповѣди.*

•

Мопершью былъ представленъ Маріи Терезіи. Императрица разговаривая съ нимъ спросила: Видалъ ли онъ Королеву Шведскую, сестру Короля Прускаго? — Видалъ, В. В. отвѣчалъ онъ. — Говорятъ что это прекрасная женщина? — *До сего времени я тоже думалъ,* отвѣчалъ Мопершью.

•

Манштейнъ пріѣхалъ однажды къ Вольперу, когда онъ жилъ въ Берлинѣ, и просилъ его просмотрѣть записки сочиненныя имъ о Россіи. Въ самую ту минуту Фридрихъ прислалъ Вольперу свои списки для разсмотрѣнія. *Извините,* сказалъ Вольперъ Манштейну,

*Король прислалъ мнѣ мотъ свое бѣлье,
я взямою ваше послѣ.*

*

Дурной живописецъ поспровивъ домъ водилъ по оному своего пріятеля. — Я велю выбѣлишь комнашы, говорилъ онъ, и послѣ ихъ роспишу. — *Лучше роспиши прежде, опивѣчалъ пріятель, а послѣ вели выбѣлитъ.*

*

Моле и Клерваль два Французскіе актёра, бѣжали однажды изъ Парижа въ Ліонъ. У Клервала болѣли зубы и онъ двѣ недѣли не могъ брися. Пробѣзжая чрезъ одинъ городъ узналъ онъ, что въ ономъ живеть одна знакомая ему женщина и вздумалъ зайти къ ней. Моле которому нужно было бытъ скорбе въ Ліонъ, уговаривалъ его опложитъ посѣщеніе до другаго времени; но Клерваль былъ непреклоненъ и послалъ за цирюльникомъ. Моле видя всю невозможность опклонитъ его опъ сей поѣздки, выдумалъ хитросъ и научилъ

цирульника, что ему говорить надлежало. Лишь только цидульникъ началъ брять Клерваля, по нечувствительности обратился разговоръ на разбойниковъ. Развѣ здѣсь много разбойниковъ? спросилъ Клерваль. — *Пропастъ!* сказалъ цидульникъ, *ихъ здѣсь поминутно ловятъ — вчера я повѣсилъ троихъ, завтра . . .* — Клерваль услыша это и ни мало не сумнѣваясь, чтобы цидульникъ сей не былъ палачъ, вскочилъ со стула, сѣлъ въ карету и съ недобритою бородою уѣхалъ какъ можно скорѣе.

Конецъ второй части.

Отъ Издателя.

Въ сей второй часши Журнала
*Исторія гасовъ, Зеркало Истинны, Новой
Мудрецъ, Совѣтъ другу, Перстень, Вопросъ
и Сказка Андоръ и Лиза, или клятва,*
писаны мною.

И. Брусилловъ.

Августа 10 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ

в второй Частии.

№ 5.

Стран.

I. Исторія Часовъ — — — — —	3
II. Успѣхъ любви и надежды (Элегія) —	19
III. Сассафрасъ и дикая виноградная лоза	28
IV. Къ Амуру — — — — —	35
V. Пѣснь Вакху — — — — —	36
VI. Конечъ молодости — — — — —	39
VII. Горестъ — — — — —	42
VIII. Сонъ Скупаго — — — — —	44
IX. Эпиграммы — — — — —	—
X. Мадригалъ — — — — —	45
XI. Собака, Басня — — — — —	46
XII. Романсъ — — — — —	47
XIII. Извѣстія — — — — —	50
XIV. Смѣсь: — — — — —	55
1) Синонимы — — — — —	—
2) Анекдоты — — — — —	56

№ 6.

Зеркало Испинны — — — — —	61
I. Новой Мудрецъ — — — — —	70
II. Объ ученыхъ Женщинахъ — —	74
V. Письмо Клеанша къ Эрасшу — —	77
Совѣщъ другу — — — — —	83.
I. Весна — — — — —	85
II. Оселъ басня — — — — —	88
III. Надпись къ портрету Амура —	90
Къ рождъ — — — — —	91
Судьбѣ — — — — —	95
Эпиграммы — — — — —	95
I. Руская Пѣсня — — — — —	96

	Стран.
XIII. Прости — — — — —	97
XIV. Мадригалъ — — — — —	98
XV. Извѣстія и смѣсь — — — — —	99

№ 7.

I. Перстень, восточная повѣсть —	117
II. Камоевсь, шворецъ Лузіады —	121
III. Сонъ — — — — —	130
IV. Вопросъ — — — — —	138
V. Синонимы — — — — —	139
VI. Развалины — — — — —	141
VII. Пасшукъ — — — — —	147
VIII. Эпиграмма — — — — —	148
IX. Живописецъ — — — — —	—
X. Царь и придворный, сказка —	152
XI. Вдова, сказка — — — — —	154
XII. Кришика, письмо къ Издашелю —	160
XIII. Извѣстія и смѣсь — — — — —	168

№ 8.

I. Линдоръ и Лиза, или клятва, сказка	173
II. Письмо къ пріятелю изъ столицы	193
III. Письмо къ издашелю — — — — —	197
IV. Кончина Шиллера — — — — —	201
V. Стихи къ Юліи — — — — —	205
VI. Испуканъ и змѣя — — — — —	210
VII. Эпиграммы — — — — —	211
VIII. Извѣстія и смѣсь — — — — —	213
1). Россійскія книги: разсмотрѣ- ніе <i>Рѣки временъ</i> — — — — —	—
2). Картина пошопы (изъ сочин. Геснера) — — — — —	217
3). Анекдоты — — — — —	221
IX. Отъ Издашеля — — — — —	230

Опечашки 2 Часпи.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Налестат.</i>	<i>Чит.</i>
4	6	на - написашь	написать
6	9	<i>игоуццско:</i>	художнику
—	19	chère	сбер
14	5	было	бывало иногда
30	26	изчезашь	изчезаеть
52	11	4со	300
53	22	благодарить	благодарить
61		испинны	испины
63	3	и шакъ	первая
72	8	въ споронъ	въ спранъ
101	15	икъ	ея
106	3	чшобы	чшо
120	8	<i>Исликка</i>	<i>Истица</i>
145	7	сѣ виспомѣ	сѣ свиспомѣ
148	10	Въ Аѣннахъ,	Въ столицѣ,
153	16	одну.	одну.
—	11	вышла	вышли
167	5	прислашь	присылашь